

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

Всегда
вчерашнее завтра

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Всегда вчерашнее завтра

«PEN-клуб»

1997

Абдуллаев Ч. А.

Всегда вчерашнее завтра / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1997 — (Дронго)

Эксперт – аналитик Дронго берется за абсолютно безнадежное дело – поиски исчезнувшего архива литовского КГБ. Пропавшие документы – бомба замедленного действия. Особенно для тех, кто тайно сотрудничал с этой организацией. Поиски еще не начались, а жертвы уже появились. Будет еще не мало покушений, выстрелов в спину, изощренных ловушек и не менее изощренных способов избежать их. Придется и Дронго заглянуть в черный зрачок пистолетного ствола. Впрочем, для него это не самое страшное в столь вероломной и жестокой схватке.

Содержание

Начало	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Чингиз Абдуллаев

Всегда вчерашнее завтра

Моему погибшему другу ТАИРУ АСЛАНЛЫ посвящаю.

Автор

Ничто не вечно, кроме наших иллюзий.

Роберт Шекли. Обмен разумов

Начало

Он вошел в подъезд, оставив суету внутреннего двора за дверями. Подошел к лифту, нажал кнопку вызова. Лифт не работал. Это его несколько удивило. Обычно в Гих доме с лифтом никаких проблем не возникало. Он еще раз нажал кнопку и прислушался. Никакого движения. Странно, как могло случиться, что лифт не действовал? Он медленно направился к лестнице.

Привыкнув к лифту, он давно уже не поднимался пешком. Забыл даже, какие здесь красивые лестничные пролеты. Дом был старый, построенный еще в начале века. Только лифт установили относительно недавно, лет двадцать назад. Тогда еще спорили, а нужен ли он? Потом все же смонтировали, и жильцы привыкли к нему, лифт работал почти бесшумно, заботливо доставляя каждого на нужный этаж. А лестничные пролеты, оставшись без дела, стали потихоньку покрываться пылью, темнеть, стареть, теряя празднично-нарядный блеск, как теряет свое достоинство и вызывающе гордый вид домашняя собака, оставшаяся без хозяйина.

На площадке второго этажа он остановился. Мелькнула какая-то тревожная мысль и сразу пропала. Он даже не мог понять, что именно его насторожило. Но что-то его беспокоило, это точно. До четвертого этажа было еще далеко. В его возрасте тяжело преодолевать такие крутые лестницы. Интересно узнать, что именно случилось с лифтом, почему он перестал работать именно сегодня?

Сегодня. Он поймал себя на мысли, что наконец понял причину своей неосознанной тревоги. Сегодня восемнадцатое число. Истекал последний срок, назначенный в ультиматуме. Завтра в газетах могут появиться разгромные статьи, после которых он обязан уйти в отставку. Но это произойдет только завтра. Сегодня еще предстоит одолеть последний пролет и войти наконец в свою квартиру.

Он любил этот дом, переехал сюда почти двадцать лет назад, здесь прошла лучшая часть его жизни. Сейчас, поднимаясь по лестнице, он досадовал на запустение и пыль. «Нужно будет прислать человека, чтобы все здесь убрали», – подумал он, привычно решая, кому это поручить. До его квартиры оставалось совсем немного.

«Почему они не хотят оставить меня в покое? – возник неожиданно вопрос. – Почему я должен отвечать за грехи своей молодости?»

Тогда все казалось таким правильным и верным. Была единая страна, мощь которой не вызывала сомнений. Была единая партия, привычно руководившая всеми областями жизни и решавшая все вопросы. Был единый комсомол, занимавшийся воспитанием многомиллионной армии молодых людей от Камчатки до Калининграда. И, наконец, был единый КГБ, которого боялись и уважали и с которым считались во всем мире. Все казалось закономерным и однозначно ясным. Весь мир делился на два цвета – наш и не наш.

Именно тогда он совершил самую большую ошибку в своей жизни – дал эту проклятую подписку о сотрудничестве, всплывшую сейчас, через столько лет. Уже в другой стране и в другое время. И совсем при других обстоятельствах. Он тяжело вздохнул. Неужели они решатся опубликовать эту подписку? Как к ней отнесутся его коллеги, ведь прошло столько лет, и, подписав обязательство, он ничего, кроме этого, не сделал. Абсолютно ничего. Но документ существовал. И воспоминание о нем тяжким грузом давило на сознание, пока он поднимался по лестнице.

Он не увидел, как возник незнакомец. Просто ощутил за спиной шорох и вдруг в последнюю минуту своей жизни понял, что именно его беспокоило весь сегодняшний день. Они не звонили. Они больше не терзали его, очевидно, просчитав варианты и убедившись, что он никогда не совершит еще худшей ошибки, чем та, которую он сделал в молодости. Но понимание пришло слишком поздно.

Он еще пытался обернуться, чтобы встретить свою смерть, как подобает мужчине, но трусливый убийца не дал ему такого шанса, выстрелив в затылок. И последняя, запоздалая, мысль была о лифте. Стало абсолютно ясно, почему лифт не работал именно сегодня. «Как же так?..» – хотел он привычно возмутиться, но в этот миг голова будто взорвалась, и он перестал ощущать свое тело, погрузившись в вечную темноту.

Он не мог видеть и чувствовать, как склонившийся над ним убийца, прицелившись, сделал контрольный выстрел в сердце. И хотя душа уже покинула свою телесную оболочку, само тело, все еще реагирующее на внешние проявления, дернулось и замерло. Убийца наклонился, пошарил по карманам убитого и, отвернувшись, стал спускаться по лестнице, по-прежнему темной и грязной.

Глава 1

– Мы победили, – радостно сказал пресс-секретарь, входя в большой кабинет.

Его начальник молча смотрел на экран телевизора, где журналисты оживленно комментировали победу их партии на выборах. Хозяин кабинета, полный, седоватый, респектабельный мужчина, обратился к сидевшему рядом с ним лидеру партии, невысокому человеку с круглым лицом и в немного старомодных очках.

– Поздравляю вас, мы действительно победили.

– Да-да, – подтвердил пресс-секретарь, – мы отовсюду получаем поздравления. Никто уже не сомневается в нашей победе на выборах.

– Спасибо, – отрывисто сказал лидер партии. Он раньше был музыкальным критиком и довольно посредственным музыкантом. Но неудовлетворенные творческие амбиции постепенно переросли в националистические и в полном соответствии с теориями психоанализа стали доминирующими в поведении несостоявшегося артиста.

– Вы можете идти, – обратился хозяин кабинета к пресс-секретарю, давая понять, сколь неуместно подобное выражение чувств. Когда тот вышел, он повернулся к лидеру партии.

– Судя по всему, ваша партия наберет наибольшее количество голосов в парламенте и сумеет сформировать однопартийный кабинет. Поздравляю вас!

– Наша партия, – возразил лидер, – я всегда считал вас нашим другом и единомышленником, который внес в успех партии наибольший вклад.

– Спасибо, мой друг. Но без вашей популярности мы ничего не смогли бы сделать. По существу, половина популярности партии – ваша личная заслуга.

– Благодарю вас. Я принимаю ваш комплимент как аванс наших будущих совместных действий на политической арене.

– Да, конечно. Но сейчас меня больше волнуют объективный и субъективный факторы, которые могут оказаться решающими в связи с формированием вашего правительства.

– Что вы имеете в виду? – насторожился лидер партии.

– Как раз то, о чем вы подумали. В Москве очень недовольны нашей победой. Они поставили слишком много на наш проигрыш и теперь будут вынуждены идти ва-банк, стремясь не допустить стабилизации обстановки в период вашего правления. Вы ведь, не скрывая, заявили, что готовы вступить в НАТО. А это самый большой удар для политиков из Москвы, – негромко напомнил хозяин кабинета.

– Мы строим свою внутреннюю и внешнюю политику, не ориентируясь на мнение Москвы, – чуть покраснев, твердо сказал лидер партии. – Мне казалось, вы разделяете наши убеждения.

– Конечно, – улыбнулся хозяин кабинета, – надеюсь, вы не собираетесь заносить меня в список «агентов Кремля»? Но учет реальностей – это азбука любой политики. Мы обязаны считаться с действительностью нашей сегодняшней жизни.

– Поэтому мы должны все время оглядываться на Москву?

– Нет. Просто мы обязаны оставаться реалистами. Литва не Польша и не Венгрия. Мы находимся слишком близко от Москвы, граничим с Россией. И наши неосторожные движения под боком у слона могут вызвать очень неприятные последствия, в том числе и для нас самих.

– Я вас не понимаю, – развел руками бывший музыкант, – вы ведь все время соглашались со всеми нашими идеями, полностью нас поддерживали. А теперь призываете изменить наш курс. Сегодня, когда мы наконец победили, вы хотите, чтобы мы трансформировали свои взгляды? Согласитесь, это будет выглядеть очень странно в глазах наших сторонников.

– Их мнение меня волнует меньше всего, – цинично заявил хозяин кабинета. – Неужели вы ничего не хотите понять? Времена изменились. Сегодня в Москве сидят другие люди. И

ситуация в мире несколько иная, чем раньше. Никто не захочет из-за нашей маленькой республики начинать мировую конфронтацию. НАТО и так уже приняла в свои ряды все восточноевропейские страны. Это все, на что они могли пойти. На большую конфронтацию с Москвой они не решатся. Я говорил с германским послом, он советовал нам не проявлять излишней горячности в этом вопросе.

– И об этом вы заявляете мне в такой день! – с горечью заметил лидер партии. – Я не смогу объяснить нашим людям, почему мы отказываемся от наших принципов.

– Кстати, насчет ваших людей, – неприятно усмехнулся хозяин кабинета. – Давайте поговорим о субъективном факторе. Я надеюсь, теперь вы станете более разумны и не будете подставляться, как в прошлый раз, когда даже ваш министр иностранных дел оказался бывшим осведомителем КГБ.

– Никто не застрахован от ошибок, – подняв голову, лидер партии блеснул стеклами своих очков, – но мы всегда честно признавали свои ошибки. И когда публиковали архивы нашего КГБ, и когда выявляли бывших агентов местной госбезопасности. Лучше вскрыть нарыв, чем делать вид, что его нет.

– Вот в этом я с вами абсолютно согласен. Но еще лучше постараться избегать нарывов. Москва может получить очень большой козырь, если в состав вашего правительства опять попадут люди, материалы на которых по непонятной логике вдруг окажутся в архивах КГБ. Вы меня понимаете?

– Не понимаю, – привстал с места лидер партии. Он сделал несколько шагов по кабинету. – Я ничего не понимаю.

– Наши друзья убеждены, что в состав вашего кабинета будет введено несколько бывших осведомителей КГБ или прямых агентов нынешних спецслужб России. Чтобы в решающий момент оказать давление лично на вас и на парламент, добиваясь срыва принятия решения по НАТО.

Он говорил это спокойным, размеренным тоном, с легким презрением глядя на мельтешившего перед ним несостоявшегося музыканта. Он был не просто хозяином кабинета. Он являлся одним из тех, кто закулисно определял политику республики, независимо от того, кто именно стоял в этот момент у власти. Об этом знал нервничавший лидер победившей партии.

– Объясните, что вы хотите сказать? Я не соображу, к чему вы клоните.

– Нам нужны гарантии того, что в решающий момент ваш кабинет не подаст в отставку и стабильность республики будет обеспечена, – пояснил, улыбаясь, хозяин кабинета.

– Мы опубликовали наши данные. Весь архив бросили в нашей республике и...

– Нет, – довольно бесцеремонно перебил гостя хозяин кабинета, – вы сумели получить только то, что вам оставили. Оставили специально для того, чтобы вы убрали нескольких слишком ретивых радикалов из своего прежнего правительства. А самые ценные материалы успели исчезнуть до опубликования. В том числе и по «агентам центрального подчинения». По тем самым агентам, которые напрямую давали информацию Москве и о которых вы ничего не знаете. А они ведь наверняка участвовали в вашем движении. Уже тогда Москва не очень доверяла не только вашему Народному фронту, но и местным лидерам компартии, и местной госбезопасности.

– Что вы от меня хотите? – спросил лидер партии. Он как-то съежился, словно постарел, и уже не смотрел в неприятно нагловатые глаза хозяина кабинета.

– Чтобы мы с вами реально представляли всю картину, нам нужно получить данные по «агентам центрального подчинения», – охотно пояснил хозяин кабинета, – то есть необходимо завладеть этим архивом.

– Это невозможно. Вы ведь знаете, русские на это не пойдут никогда. Это невероятно.

– Вот здесь позвольте с вами не согласиться, – усмехнулся хозяин кабинета. – В нашем мире все возможно. А тем более в обстановке того хаоса, в котором все еще пребывают бывшие республики Советского Союза.

– Вы советуете нам обратиться с официальным требованием к Москве? – разозлился лидер партии. – Вы думаете, они нам ответят положительно? И вообще, можно ли говорить на подобные темы?

– Разумеется, нет. И не надо куда обращаться. Какая разведка мира захочет выдать своих агентов? Нет, это несерьезно. Но ведь с документами работали живые люди, сотрудники бывшего КГБ, уволенные из органов в основном по политическим причинам. Все эти люди до сих пор живы и здоровы. Я ведь не предлагаю вам отправить своего агента на Лубянку или в Ясенево, чтобы выкрасть документы бывшего КГБ. Я предлагаю найти профессионала, который сумеет решить эту проблему, не прибегая к столь крайним мерам. Своего рода хорошего аналитика, способного просчитать все варианты, выйти на нужных людей и дать нам необходимую информацию по вашему будущему кабинету. На этот раз нам потребуется полная гарантия, что в состав кабинета не попадут бывшие агенты КГБ и люди влияния Москвы.

– Кто может дать гарантию? – пожал плечами лидер партии.

– Я нашел такого человека, – холодно заметил хозяин кабинета. – Это лучший в мире аналитик, человек-легенда, который сможет сделать все, что нас интересует. Сделать быстро и в срок. Это Дронго.

– Как вы сказали? – изумился бывший музыкант. – Это его кличка или имя?

– Скорее первое. Имя свое он никому не раскрывает. Когда-то он считался лучшим профессиональным аналитиком в комитете экспертов ООН. По мнению бывших специалистов КГБ, он один вполне заменяет небольшой научно-исследовательский институт. Вы можете себе представить такого человека?

– Его еще нужно найти, – отмахнулся лидер партии.

– Это уж моя забота, – улыбнулся хозяин кабинета. – Вы дадите мне несколько толковых чиновников, а я с их помощью попытаюсь его найти.

– И вы думаете, он сумеет нам помочь? – удивился лидер партии. – Вы действительно считаете, что кто-то, даже если это очень талантливый человек, сумеет каким-то образом раздобыть архив КГБ? По-моему, это просто фантастика.

Вместо ответа хозяин кабинета поднялся, прошел к сейфу, набрал комбинацию цифр и открыл дверцу. После чего достал папку, закрыл дверцу, снова набрал привычный код, заслонив цифры даже от своего гостя, и вернулся к своему креслу. Положил папку на столик.

– Вот что мне удалось достать, – сказал он. – Эту папку наши друзья купили в Германии. За очень большие деньги. Это досье на бывшего агента центрального аппарата КГБ СССР Михаила. Вы знаете, кто скрывался под этим именем?

Лидер партии угрюмо молчал.

– Откройте, – подвинул к нему папку с документами хозяин кабинета.

Его гость открыл папку. Увидел первую фотографию и, взглянув на хозяина кабинета, сразу закрыл ее.

– Этого не может быть.

– Вот-вот. Мне тоже так казалось. Он всегда был таким честным и принципиальным человеком. Но, как видите, мы все ошибались, мой дорогой друг. Вы ведь наверняка хотели оставить его и в своем правительстве?

Лидер партии отвернулся, не желая отвечать на вопрос. Потом все-таки ответил:

– Да, мы думали оставить его в правительстве. Мы даже намеревались отправить его послом в Швецию. Но его убили. Теперь я понимаю, почему его убили. Наверное, он отказался с ними сотрудничать. Все рассказывали, что в последнее время он был не в себе, какой-то мрачный и задумчивый.

– Теперь вы представляете себе, что это такое. У нас нет никаких гарантий, что в состав вашего кабинета снова не попадут агенты КГБ. Нам нужно выяснить, кто убил бывшего советского информатора КГБ Михаила, и продумать вопрос о получении всего архива КГБ, неизвестно каким образом оказавшегося в Германии. Раз там объявилась эта папка, там могут всплыть и другие. Вы так не считаете?

– А этот ваш эксперт сумеет что-нибудь сделать? – мрачно спросил лидер партии.

– Это уже наше дело. Формируйте свой кабинет, мой дорогой друг, и ни о чем не думайте. Все остальные вопросы нам помогут разрешить наши друзья.

Лидер партии смотрел на него, и в его взгляде независимо от его воли вдруг проступило презрение. Оно было настолько очевидным, что улыбка замерла на губах хозяина кабинета.

– Это гораздо лучше, – отрывисто сказал он, – чем потом обнаруживать в своем правительстве агентов Кремля. Вы не находите, мой друг?

Особо важный документ
Не выносить из здания
Службы внешней разведки
Ознакомлению подлежат
только начальники управлений

По сообщениям агента Витязь, на предстоящих выборах победа оппозиции в республике представляется вполне реальной. Витязь сообщает, что будет сформировано новое правительство, в состав которого не войдут представители прошлого правительства правых партий. По сообщениям из штаба коалиции, у них имеются серьезные разногласия по вопросам ряда кандидатур, которые будут рекомендованы в состав правительства.

Особо секретная папка
посольства России в Литве
Шифрограмма
из Министерства
иностраннных дел

Просим более подробно информировать министерство о настроениях и перспективах победы правых партий на предстоящих выборах. Отдельно просим выслать характеристики на основных кандидатов в правительство республики.

Глава 2

Он приехал в свой родной южный город только две недели назад. Все казалось знакомым и незнакомым. Облик города неузнаваемо менялся, исчезали старые, выросшие в тротуары здания, вместо них стремительно возникали новые, с зеркальными витринами и красиво оформленными вывесками. На верхних пустырях, прежде считавшихся сейсмически опасными из-за возможных землетрясений и оползней, сейчас возводились многоэтажные здания. Веками здесь не селились люди, перенимающие опыт предков, справедливо опасавшихся подобных мест. Однако хлынувшим в город иностранцам и собственным нуворишам градостроители и «отцы города» готовы были за приемлемую плату продать все, что угодно, включая и собственную совесть.

На город наступало море, реально угрожавшее экологической катастрофой. Приморский бульвар – гордость горожан, любивших в жаркие душные дни прогуливаться по набережной, встречая знакомых и родственников, – был почти смыт. Однако внешне город менялся, принимая более современный облик. Открывались филиалы крупнейших мировых компаний и банков, иностранцы открывали даже собственные рестораны и бары, рассчитанные на земляков, охотно посещающих такие места. Луизианский ресторан и английский паб, турецкая закусочная и французский синема-клуб – все это соседствовало в городе, становившемся вопреки желанию хлынувших сюда беженцев и маргиналов еще более космополитским, чем прежде. Но из города исчез смех. Нет, можно было услышать, как посмеиваются понаехавшие иностранцы, как хохочут играющие в казино спекулянты, как охотно восторгаются каждой партией приходящего груза таможенники, имеющие свою долю с каждого грамма завезенного и вывезенного товара. Но душевный, мягкий, ироничный юмор обитателей, создавших к середине двадцатого века удивительный карнавальное город со своей неповторимой аурой, пропал.

Космополитическая цивилизация развивалась по двум направлениям. Либо это был огромный мегаполис Нью-Йорка с четко выраженными районами, населенными единоверцами и земляками. При этом границы между районами или кварталами строго очерчивались, а одна группа людей относилась к другой с плохо скрываемым раздражением коммунальных соседей, стремясь сохранить свою культуру и образ жизни. Либо Париж, впитывающий в себя образцы мировой культуры и преображающий их во славу столицы и всей Франции. И культура иностранцев органично входила составной частью в культуру местного мегаполиса, образуя удивительный синтез, создающий славу Парижа. Немец Карл Лагерфельд, стоявший во главе истинно французского дома моды «Шанель», и итальянец Джан-Франко Ферре, возглавлявший еще более престижный дом моды «Кристиан Диор». Испанцы Пабло Пикассо и Сальвадор Дали, считавшие Париж своим вторым домом. Русские писатели, представленные несколькими поколениями, среди которых был и нобелевский лауреат Бунин. Великий американец Хемингуэй, наиболее емко выразивший свое отношение к французской столице, немец Ремарк – казалось, вся культурная разноразличная богема проходила испытание этим городом и вписывалась в его многоцветную палитру, добавляя лишь новые краски.

Баку оставался таким Парижем Востока в течение более ста лет – с середины девятнадцатого до семидесятых двадцатого века. Потом, в конце восьмидесятых и начале девяностых, произошел обвал. И лишь затем, уже на другом, еще более космополитическом уровне, началось строительство нового города. Но это больше не походило на Париж Востока. Он превращался в Нью-Йорк Востока со своим Гарлемом в виде уродливых микрорайонов и поселков, построенных за чертой города. И собственно центром, из которого упорно выживались его коренные обитатели, уступая место иностранцам и новым хозяевам этой жизни, успевшим найти у нефтяной трубы, питавшей весь этот конгломерат наций, свой собственный ручеек, превращавшийся у одних в небольшую речку, а у других – в водопад, наполнявший карман.

Соответственно разделялись и доходы. Одни были просто богатые люди, другие – очень богатые, третьим вполне могли позавидовать Вандербильды или Ротшильды, и не подозревавшие, что можно зарабатывать таким образом: воруя нагло и открыто.

Он не вмешивался в политику, предпочитая не задаваться лишними вопросами и почти не соприкасаясь с местными властями. Прежде он зарабатывал деньги исключительно гонорами, но давно оставил журналистскую деятельность, служившую в прежние времена некоторым прикрытием для его многочисленных поездок. Уже давно никто не интересовался его поездками, да и он не желал привлекать к себе особого интереса. Он просто уезжал и приезжал в свой родной город, каждый раз все более и более поражаясь переменам, происходящим на его родине.

Имея собственную квартиру в Москве, он тем не менее предпочитал родной город, ставший с некоторых пор столицей иностранного государства. В этот раз, намереваясь отойти от дел хотя бы на какое-то время, Дронго привез свои последние приобретения – новые собрания сочинений американских фантастов, чье творчество он так любил. Уже предвкушая удовольствие от купленных книг, он запланировал для себя двухмесячный отдых и спокойную жизнь.

Но в этот вечер к нему позвонили. Каждый раз, когда раздавался такой звонок, он недовольно морщился, не ожидая от него ничего хорошего. Родители к нему не приезжали, он охотно и часто сам навещал стариков, выслушивая их многочисленные вопросы и придумывая в ответ разнообразные, не совсем правдивые истории, чтобы не беспокоить родных. Мать почти верила, отец хотя и сомневался, но тоже делал вид, будто его многочисленные журналистские командировки – чистейшая правда. Остальные родственники никогда не являлись без предупреждения, уже приученные к тому, что он отсутствует в городе месяцами. Но незнакомцы навевались в последние годы все чаще и чаще, словно решив устроить ему своеобразное испытание на прочность. С одной стороны, это было очень утомительно и опасно. Но с другой – это оставалось его единственным источником доходов, и он уже давно махнул рукой и на свою популярность, особенно на территории бывшего Советского Союза, и на этих непрощенных гостей, так некстати появившихся в его доме.

В глазок он увидел двух мужчин. Первый нервно оглядывался по сторонам, словно опасаясь, что его могут увидеть. Он был высокого роста, худощавый, с несколько вытянутыми скулами, светловолосый. Второй, чуть ниже ростом, темноволосый, с более резкими чертами лица, стоял с угрюмым видом, засунув руки в карманы плаща, демонстрируя невозмутимость и хладнокровие. Дронго уже давно поставил специальную систему для обычного дверного глазка, при которой он мог видеть находившихся на лестничной площадке людей, не подходя близко к двери. Для этого достаточно было лишь включить камеру в коридоре. И хотя дверь была изготовлена на заказ из самой прочной стали в Италии, тем не менее он старался, как любой аналитик, избегать лишнего риска.

Он включил переговорное устройство.

– Кто вам нужен? – спросил по-русски, сразу догадавшись, что незнакомцы не местные.

– Добрый вечер, – сказал первый, – мы хотели бы с вами поговорить.

Судя по характерному акценту, посетители прибыли из Прибалтики либо из Скандинавии.

– Может, вы ошиблись адресом? – спросил Дронго, вслушиваясь в ответ и пытаясь получить представление о визитерах.

– Нет. Нам нужны именно вы. Мы приехали из Стокгольма, где нам дали ваш адрес.

«Как странно, – подумал он. – Говорящий совсем не похож на шведа. Скорее на литовца или латыша. Почему он говорит, что приехал из Швеции?»

– Кто вас послал?

– Нам дала ваш адрес фрау Сигрид Андерссон. Она просила передать вам привет.

Оставалась последняя проверка. Для самого себя.

– Вы приехали из Швеции? – спросил он, уже почти уверенный в ответе. Тембр голоса говорившего и его акцент служили безошибочным ориентиром.

– Нет, – ответил незнакомец, – мы из Литвы.

Только тогда Дронго наконец открыл дверь.

– Вы напрасно держите руки все время в карманах, – мягко сказал он, обращаясь ко второму незнакомцу, – я мог бы предположить, что вы носите с собой оружие.

– А откуда вы знаете, что его нет? – лукаво улыбнулся первый незнакомец, входя в квартиру.

– Раздевайтесь, – показал Дронго на вешалку. – Во-первых, вы приехали явно из другого государства и не могли везти с собой через границу оружие. Для этого нужно оформить массу документов. Этого вы не стали бы делать, чтобы не выдать цели своего визита. А во-вторых, в таком легком плаще, как на вашем спутнике, оружие трудно скрыть. Я знаю подобные плащи – у них очень маленькие внутренние карманы, и оружие там не поместится.

Первый незнакомец снова улыбнулся и, обернувшись, кивнул спутнику, угрюмо и недоверчиво смотревшему на Дронго. Оба гостя, сняв верхнюю одежду, прошли в комнату.

– Садитесь, – пригласил Дронго, показывая на диван, и сам устроился в любимом кресле. – Надеюсь, вас привели очень серьезные дела, если вы приехали сюда из Литвы, сделав крюк через Стокгольм.

– У меня еще один вопрос. – На этот раз молчание нарушил второй. У него был более жесткий голос. – Почему вы решили, что мы хотим скрыть цель нашего визита?

– Достаточно посмотреть на вашего спутника, чтобы все понять, – усмехнулся Дронго. – Я думаю, вы приехали сюда не для того, чтобы я устраивал показательные номера по наблюдательности. Я не рекламирую свой товар.

На этот раз улыбнулись оба гостя.

– Что вы пьете? – спросил Дронго. – У меня есть прекрасное грузинское вино. Надеюсь, вы не откажетесь от столь приятного напитка?

Гости одновременно покачали головами, и он отправился за бутылкой и бокалами. Когда вино было откупорено и пригублено, он предложил гостям:

– Теперь можете рассказывать, что привело вас сюда.

Незнакомцы переглянулись.

– У нас очень важное дело, – сказал первый гость.

– И конфиденциальное, – добавил второй, – о нем никто не должен знать, так же, как и о нашем разговоре.

– Надеюсь, вы слышали о моей репутации аналитика. Я не раскрываю секретов своих заказчиков, – пожал плечами Дронго, – и еще неизвестно, соглашусь ли я помогать вам. Иногда я отказываю, если считаю, что это не мое дело. Иногда соглашаюсь. Но в любом случае наш разговор останется тайной. Если, конечно, вы сами не захотите ее разглашать.

– От чего зависит ваше желание сотрудничать с клиентами? – поинтересовался второй.

– Клиенты бывают у парикмахеров или проституток, – засмеялся Дронго, – у меня – друзья, гости или заказчики. Это зависит от многих факторов. И от моего к вам отношения. И от степени сложности задания. Я не берусь за нечистоплотные дела, даже за очень большие деньги, считая совесть категорией нетоварной. Во всех остальных случаях пытаюсь понять, зачем и почему я должен помогать в том или ином вопросе.

– Мы хотели бы с вами работать, – нерешительно сказал первый гость, – и заранее согласны на все ваши условия в смысле материального обеспечения. Я имею в виду гонорар.

– Я пока не посвящен в суть дела, – сухо сказал Дронго, – а вы не знаете суммы моих гонораров. Поэтому о деньгах поговорим в самом конце. Изложите подробно, почему вы проделали такой долгий путь, чтобы встретиться со мной.

Первый взглянул на второго и осторожно вздохнул. Снова отпил вино и лишь затем сказал:

– Вы были связаны с сотрудниками прежнего КГБ СССР.

– Это вопрос или утверждение? – поинтересовался Дронго. – Если вопрос, то отвечу, что связан никогда не был. Я с ними работал, и достаточно долго. Если утверждение, то это неправда. Я работал с ними, но не на них и не для них. Это немного разные вещи, вы не находите?

– Нет-нет, – поднял руку первый незнакомец, – я не хотел вас обидеть. Просто уточнить, что вы хорошо знаете внутреннюю структуру бывшего КГБ и работавших в нем людей.

– Достаточно, чтобы иметь представление об их деятельности, – согласился Дронго.

– Нам нужен именно такой человек, – быстро сказал первый, – у нас возникли некоторые проблемы, и мы желали бы разрешить их с вашей помощью.

Дронго молча смотрел на него.

– Нас прислали сюда в официальную командировку. Мы прилетели с согласия самого президента республики, – произнес наконец первый. – Мы должны договориться с вами о сотрудничестве.

– Вы еще не представились, господа, – напомнил Дронго. – Мне это делать необязательно. Вы, по-моему, узнали не только мой адрес и мое настоящее имя, но и кличку, под которой я обычно работаю.

– Да, это название птицы дронго, – кивнул первый. – Моя фамилия Стасюлявичюс, я заместитель министра иностранных дел, а мой коллега Хургинас возглавляет одно из подразделений службы безопасности.

– Значит, мы почти коллеги, господин Хургинас, – ответил Дронго. – С большим интересом жду ваших предложений. Раз прислали такую представительную делегацию, дело касается по меньшей мере государственных интересов вашей республики.

– Так оно и есть, – кивнул Стасюлявичюс, – речь идет об убийстве моего коллеги, которое произошло два месяца назад...

Особо важный документ
Не выносить из здания
Службы внешней разведки
Ознакомлению подлежат только
начальники управлений

Агент Михаил был убит два дня назад на пороге своей квартиры. Несмотря на отказ от сотрудничества с представителями местной резидентуры, мы не располагаем сведениями о том, кому именно понадобилась его ликвидация. Резидентура предполагает и в дальнейшем внимательно следить за ходом расследования. Однако мы считаем, что бытовые мотивы преступления могут быть исключены.

Совершенно секретно
Сообщение резидентуры
СВР в Германии

Согласно подтвержденным данным, в Германии циркулируют слухи о вывезенном сюда архиве КГБ Литвы. Резидентура предполагает заняться более конкретно выяснением подобных слухов. По сообщениям агента Цеппелина, некоторая часть материалов уже попала в руки представителей литовского правительства. Предполагается, что в ближайшее время в Германии появятся другие эмиссары литовского правительства.

Глава 3

Припарковав автомобиль на стоянке и привычно сухо кивнув дежурному охраннику, он оставил свою машину с каким-то странным чувством сожаления, словно видел ее в последний раз. На всякий случай он еще раз обернулся. Машина стояла на обычном месте. Все нормально. Он был знаком с статистикой угонов по Москве и знал, что самой большой опасности почему-то подвергаются автомобили местного производства и скоростные «БМВ». Именно такой серебристый «БМВ» он купил совсем недавно, всего два месяца назад.

Памятуя об угонах, он не держал автомобиль в гараже, а оставлял его на хорошо охраняемых стоянках, откуда увезти автомобиль довольно сложно. Но сейчас он почувствовал какую-то горечь от расставания, словно видел машину в последний раз.

Он посмотрел на часы и заторопился. Стоянка находилась довольно далеко от его дома. Приехав из Вильнюса в Москву, они с Элизой все эти годы снимали квартиру. Тогда, после «августовской революции» в Москве и признания независимости Литвы, оставаться на своей родине полковник Лякутис больше не мог. Он слишком хорошо представлял, как к нему будут относиться победившие «демократы» последней волны. Со многими из них он сталкивался, занимаясь их персональными делами до последнего дня, когда с горечью и ужасом узнал о том, что его родная Литва окончательно выходит из огромной страны и он отныне автоматически становится предателем собственного народа, всю жизнь работавшим на русских оккупантов.

Но самое страшное известие он получил из Москвы: документы, над которыми они работали несколько месяцев, не дошли до места назначения. Девятнадцатого августа их должны были отправить в Москву, вывезли, но в столицу они не попали. Он мучился, пытаясь уяснить, что именно должен делать теперь. Идти к руководству на доклад он не имел права. Согласно данной им подписке, операция была засекречена, и никто в Литве в подробностях о ней не знал.

Если бы он начал в тот момент собственное расследование, он подверг бы опасности судьбы десятков людей, причинив им горе и боль. Такого позволить себе Лякутис не мог. А молчать не хотел. Он мучился, терзался, не находя выхода. Из Москвы сообщений, подтверждавших получение документов, не поступало. Он звонил туда трижды, но после августовских событий все были озабочены только одним – сохранением собственного места. Из КГБ сотнями увольняли профессионалов, не согласных с политикой нового руководства. В первую очередь избавлялись от сотрудников Второго главного управления – контрразведки. Разведчикам повезло больше: их сразу вывели из общего состава КГБ и отдали под руководство Примакова, который фактически и спас всю прошлую советскую и будущую российскую разведку.

Оставаясь в Вильнюсе, пришлось бы приспособливаться. А этого полковник не умел и не хотел. Именно поэтому он сразу подал заявление об отставке и уже через три месяца перевез в Москву свою жену и дочь. С дочерью, слава богу, все складывалось нормально. Она вышла замуж за хорошего парня, и теперь у сорокавосемилетнего полковника подрастал краснощекий внук, которого дедушка любил больше всех на свете.

Но сначала приходилось тяжело. Очень. На волне всеобщего хаоса он не мог устроиться на работу. О службе в КГБ нечего было и думать. Пришедший туда «прораб» Бакатин получил однозначную установку на развал органов и никогда бы не взял к себе на работу бывшего сотрудника литовской госбезопасности, уволившегося из органов по политическим мотивам – из-за несогласия с новой политикой руководства своей республики.

Лякутис работал даже сторожем, потом охранником в фирме. Им пришлось нелегко, и, если бы не Элиза, поддерживавшая его все эти годы, он давно сломался бы под гнетом свалившихся на него несчастий. Деньги кончились, приходилось продавать вещи, вывезенные из Вильнюса, жить в однокомнатной квартире на краю города. Хорошо еще жена смогла устро-

иться в какую-то фирму, где требовалось ее знание немецкого языка. Первые два года они жили фактически на ее зарплату.

Постепенно все начало налаживаться. Его нашли и предложили место заместителя руководителя службы безопасности одного небольшого банка. Буквально через несколько месяцев он стал руководителем службы безопасности в этом банке, а еще через год его пригласили в другой, более крупный и влиятельный банк. Постепенно в Москве и в других местах начали осознавать, что бывшие сотрудники КГБ – настоящие профессионалы, чей опыт вполне можно использовать для работы в смежных отраслях. Именно поэтому Лякутис и стал руководителем службы безопасности в столь влиятельном учреждении. Это позволило снять квартиру почти в центре Москвы и приобрести наконец «БМВ».

Сейчас, возвращаясь домой, он впервые подумал, что все могло сложиться иначе. Но такого горького разочарования, как после развала великой страны, идеям которой полковник госбезопасности Лякутис служил всю свою жизнь, он не испытывал никогда в жизни. Он прекрасно понимал, что у себя на родине он персона нон грата и в ближайшие десятилетия ни при каких обстоятельствах не сможет снова увидеть свой родной Вильнюс, пройтись по его улицам, встретить знакомые лица. Он слишком много знал, чтобы вернуться в Вильнюс. И о нем имелось достаточно сведений, не позволяющих принять его в столице суверенного государства.

Он подходил к дому, ускоряя шаг. Сегодня он обещал жене приехать пораньше, чтобы сходить наконец в театр, где они не были целую вечность. Заранее купленные билеты уже лежали в кармане. Он вошел во двор своего дома. Как во многих старых московских дворах, еще не тронутых разрушительным действием цивилизации, здесь было тихо и уютно.

Лякутис повернул к своему подъезду, когда увидел высокого мужчину в темном костюме и серой шляпе. «Странно, что он в шляпе, – подумал полковник. – Такие шляпы давно никто не носит». Лякутис хотел пройти мимо незнакомца, но тот шагнул к нему.

– Вы полковник Лякутис? – уточнил мужчина.

– Я гражданин Лякутис, – холодно парировал он. – Какое у вас ко мне дело?

– Я хотел бы с вами поговорить.

– О чем? – насторожился полковник.

Незнакомец оглянулся, проверяя, нет ли рядом чужих людей. Потом сделал еще один шаг и доверительно сказал:

– Нас интересуют некоторые подробности вашей прежней работы.

– В каком смысле? – напряженным голосом спросил полковник. Прошлое обладало страшной разрушительной силой – он в этом убеждался не раз.

– Мы хотели бы получить некоторую информацию по интересующим нас проблемам, – уклончиво ответил незнакомец.

– Кто это – мы? И какие именно проблемы вас интересуют? – сухо спросил Лякутис, уже пожалев, что затеял этот разговор на улице. Здесь было не место и не время для подобных встреч.

Незнакомец снова оглянулся – похоже, он беспокоился еще больше, чем полковник, – и сказал:

– Нас интересует ваша совместная работа с Савельевым. Это касается...

– До свидания, – не дал ему договорить Лякутис и повернулся к нему спиной.

– Мы вам хорошо заплатим, – торопливо крикнул неизвестный на прощание.

Лякутис, не оборачиваясь, пошел к подъезду своего дома. Вошел в него, поднялся по лестнице на третий этаж – он принципиально всегда избегал лифта, – позвонил в дверь. Открыла Элиза.

– Что с тобой? – удивилась она. – На тебе лица нет.

– Сердце что-то болит, – отмахнулся полковник, проходя в комнату и усаживаясь на диван.

– Не нужно ходить сегодня в театр, – предложила жена, – давай лучше посидим вдвоем дома, посмотрим телевизор.

– Нет, – улыбнулся он: она всегда так тонко чувствовала ситуацию, – мы идем в театр. Одевайся поскорее, а то опоздаем. Ты ведь знаешь, я не беру машину в такие места, чтобы ее не угнали. Поедем на метро.

– Конечно, – ответила жена. – А пока я принесу тебе чай.

Она вышла из комнаты, а он, откинув голову назад, напряженно размышлял о странной встрече. Если незнакомец знает о Савельеве, значит, ему наверняка известно, чем именно они занимались. Лякутис покачал головой. Исчезновение Савельева оказалось для него самым непонятным фактом в той вакханалии развала, которая царила в девяносто первом году. Но откуда незнакомец мог знать о самом факте существования Савельева и его совместной работе с Лякутисом? Это был самый охраняемый секрет в их службе безопасности. И вот теперь, спустя столько лет, все вдруг всплыло, став объектом чьих-то интересов.

Лякутис почувствовал, как сердце действительно начинает болеть. Первое время после переезда в Москву он вообще плохо себя чувствовал. Сказывались перемена места, другой климат. Постепенно привык, успокоился. Но сейчас сердце снова напомнило о себе. Через минуту в комнату вошла жена, и он усилием воли заставил себя не вспоминать о Савельеве.

От спектакля они получили большое удовольствие. Домой возвращались пешком. Оба любили пешеходные прогулки, ставшие их общей радостью еще в шестидесятые годы, когда курсант Лякутис познакомился со своей будущей женой. Он был однолюб и за двадцать шесть лет их совместной жизни ни разу не изменил своей супруге, даже не помышлял об этом.

Домой они вернулись в двенадцатом часу ночи. И уже готовились спать, когда раздался телефонный звонок. Он подошел к аппарату, думая, что это звонит дочь. Но услышал все тот же голос незнакомца:

– Вы подумали над нашим предложением? Мы готовы заплатить очень большие деньги.

Лякутис положил трубку. Раздраженно мотнул головой. Почему они не оставят его в покое спустя столько лет? Почему не занимаются этим делом сами? Кому сегодня интересны их служебные тайны? Лякутис понимал, что несколько лукавит с самим собой. Он знал, кому именно могут понадобиться эти тайны. И почему звонивший интересуется именно Савельевым.

Но абсолютно ясно другое. Понятие офицерской чести и элементарной порядочности никогда не позволит ему рассказать ни о документах Савельева, ни о собственной совместной с ним работе. Это, во-первых, достаточно грязно и неприятно, а во-вторых, являлось служебной тайной того ведомства, в котором он работал всю свою жизнь. А продавать секреты он не умел и не хотел учиться.

– Кто звонил? – поинтересовалась Элиза из другой комнаты.

– Ошиблись номером, – нашелся муж, тяжело усаживаясь на стул.

«И все-таки так себя вести нельзя», – подумал полковник. Он похож на улитку, которая заползает в свою раковину и не хочет ничего видеть. Он обязан был подумать об этом еще до того, как к нему обратились с подобным предложением, и сообщить все, что ему известно о совместной работе с Савельевым и документах, которые они готовили.

Лякутис закрыл глаза. Он хорошо помнил слова Савельева, произнесенные в дождливый мартовский день, когда на выборах победил «Саюдис». «Вот теперь, – сказал тогда Савельев, – и начинается наша настоящая работа». Лякутис не хотел признаваться никому, но основной причиной его выезда из республики послужила именно эта работа с Савельевым. Остаться в Вильнюсе означало дать согласие на сотрудничество с новыми властями. А это автоматически вело к полному развалу всего того, что они сделали с Савельевым, и, более того, к полной ломке многих человеческих судеб.

Как профессионал, он понимал ответственность такого шага. Не говоря уже о том, что другие спецслужбы, продолжавшие действовать в рамках своих задач и даже усилившие эту деятельность в Литве после обретения ею независимости, никак не позволили бы ему развалить все то, что создавалось десятилетиями.

Лякутис всегда принимал решения быстро, не теряя времени на раздумья. Так же он поступил и сейчас. Часы показывали половину первого, когда он вытащил из кармана своего пиджака записную книжку и нашел телефон Алексеева. Он посмотрел на часы и, чуть поколебавшись, все-таки набрал номер.

– Слушаю вас, – послышался знакомый голос.

– Николай, это я, извини, что так поздно, – сказал Лякутис. Когда он волновался, его прибалтийский акцент становился особенно заметен.

– Что случилось? – удивился Алексеев, зная, как пунктуальный Лякутис всегда строго придерживался негласных правил и не позволял себе по пустякам беспокоить человека.

– У меня к тебе очень важное дело, – признался Лякутис, – завтра нам нужно встретиться.

– Хорошо. А что произошло?

– Ничего страшного. Я звоню по личному вопросу. Просто мне нужно с тобой увидеться и переговорить.

Лякутис не стал рассказывать, что его спрашивали про Савельева. Они были знакомы с Алексеевым вот уже пятнадцать лет, еще с тех пор, когда проводили совместную операцию против шведского дипломата в Москве. Но даже его Лякутис никогда не посвящал в свои дела. Порвавший с родиной, ставший изгоем, он сохранял трогательную верность своему народу, считая, что любая подобная информация могла бы повредить прежде всего людям, оставшимся в Литве. А если кто-то из них и проявит слабость, то это уже его личная слабость и его личная беда, считал Лякутис.

Алексеев работал в ФСБ, сумев остаться в контрразведке благодаря тому, что в начале девяностых был брошен на борьбу с экономическими преступлениями и не попал под знаменитые «бакатинские чистки», когда профессионалов тысячами увольняли из органов.

– Я все понял, – сказал Алексеев. – Давай завтра в десять. Я буду ждать тебя на работе. Устраивает тебя такой вариант?

– Да, конечно. Спасибо тебе, Николай.

– Не за что. Наверное, и я немного виноват. Давно нам с тобой следовало поговорить, определиться. Вечно ты один воюешь со своими проблемами. А я тоже хорош, совсем о тебе забыл. В общем, завтра я тебя жду, – твердо сказал Алексеев.

Они попрощались, и Лякутис положил трубку. Правильно ли он сделал, позвонив Алексееву? Впервые в жизни Лякутис почувствовал себя немного изменником родины. Но не той, что его приютила и где он теперь находился, а единственно настоящей, где он вырос, слушая материнские песни над колыбелью и впитывая звуки и краски родного края.

Его убили утром, когда он выходил из подъезда. Незвестный снайпер аккуратно прострелил его голову. За мгновение до смерти Лякутис еще раздумывал, что именно он скажет Алексееву во время встречи. После выстрела он уже ничего не мог сказать.

Глава 4

– Если я не ошибаюсь, у вас в республике недавно прошли парламентские выборы, – холодноотреагировал Дронго на слова Стасюлявичюса, – значит, убитый был из прежнего состава правительства.

– Именно поэтому мы и приехали к вам, – улыбнулся заместитель министра иностранных дел.

– Я вас слушаю, господа. – У Дронго окончательно испортилось настроение. Он уже понял, что речь идет о политике, в которую он избегал вмешиваться, предпочитая расследование чисто уголовных преступлений. Однако в последние годы политика все чаще и чаще сама вторгалась в его деятельность.

Гости переглянулись, словно окончательно решая для себя, стоит ли рассказывать этому непредсказуемому человеку о всех перипетиях их сложного дела. Стасюлявичюс откашлялся и наконец решился:

– Собственно, речь идет не только об этом убийстве, но и о нашем правительстве...

– Я не совсем вас понял, – усмехнулся Дронго. – Давайте договоримся, господин Стасюлявичюс, не говорить полунамеками. Вы рассказываете мне суть дела, а я решаю, стоит ли за него браться. Разумеется, все сказанное вами останется только в этой комнате. Заранее предупреждаю, я не берусь за дела, связанные с компрометацией политических соперников или с чем-то подобным.

– Нет-нет, – сразу сказал Стасюлявичюс, – мы приехали не за этим. Мы оба представляем партию, победившую на выборах в парламент. Речь идет скорее о членах нашей партии. Хотя не только о них.

– Я думаю, вам уже пора изложить суть дела, – напомнил Дронго, – пока мы топчемся на месте.

Стасюлявичюс посмотрел на своего напарника, словно предоставляя ему слово.

– Речь идет о нашем архиве, вывезенном из Литвы и не попавшем в Москву, – заявил более прямолинейный Хургинас. – Мы до сих пор не знаем, где он находится.

– Архив местного КГБ? – уточнил нахмурившийся Дронго.

– Да. Москва доказывала, что оставила архивы местной агентуры, но мы проверили и выяснили, что большая часть агентурных материалов отсутствует. В том числе и списки особо важных агентов. – Хургинас говорил по-русски гораздо хуже своего напарника. И с сильным акцентом.

– А почему вы заинтересовались своим бывшим архивом только сейчас? – спросил Дронго. – Или смерть вашего коллеги как-то с этим связана?

– Вы все поняли правильно, – кивнул Стасюлявичюс. – Нашим друзьям удалось выяснить, что мой убитый коллега раньше работал на КГБ, служил у них информатором. И многие из нас считают, что его убрали из-за того, что он отказался продолжать сотрудничество.

– А как вам удалось выяснить, что он раньше работал на КГБ?

– Поэтому мы и приехали к вам, – сказал Стасюлявичюс. – Наши друзья купили материалы на моего бывшего коллегу сразу после его смерти. Но самое страшное с ним уже произошло. Нас волнует сейчас совсем другое. Могут всплыть негативные факты и о нашем национальном движении. Вскроются имена новых агентов КГБ и людей влияния. Нельзя допустить, чтобы у народа окончательно подорвалась вера в наши национальные идеалы. И поэтому нам нужен архив. Или хотя бы его копия. Мы должны знать, кого и в чем могут обвинить, чтобы предотвратить последствия, гораздо худшие по своим масштабам, чем те, что уже имели место раньше, когда мы опубликовали часть архивов местного КГБ, которые не успели вывезти из республики. Или, наоборот, специально подбросили нам, чтобы мы их опубликовали. В

последнее время мы склоняемся и к такому варианту. Иначе чем объяснить, что к нам в руки попали материалы только по людям, выступающим наиболее решительно против Москвы?

Дронго понимал, о чем говорил его собеседник. Сразу после обретения независимости в Литве и в других прибалтийских республиках было принято решение выявить и отлучить от политики местных осведомителей и агентов КГБ. Когда в Литве опубликовали часть списка местной агентуры, разразился грандиозный скандал. Выяснилось, что даже среди основателей «Саюдиса» находились агенты КГБ, а министр иностранных дел Литвы, один из самых непримиримых противников Москвы, был просто осведомителем КГБ. Все это изрядно поколебало доверие простых людей к правым партиям. В ответ правые опубликовали секретную переписку бывшего первого секретаря ЦК и бывшего премьер-министра, называвшейся когда-то «железной леди» по аналогии с Маргарет Тэтчер.

Обмен компроматами завершился отлучением от политики и бывшего премьер-министра, и бывшего министра иностранных дел. Заодно с ними лишились своих постов еще несколько очень высокопоставленных деятелей правого движения, обвиненных в связях с КГБ. Но все понимали, что обнародована лишь часть архива. Что не назван ни один «агент центрального подчинения» из тех, что были наиболее глубоко законспирированы и давали информацию не местному КГБ, которому к тому времени уже не очень доверяли в Москве, а напрямую, в центральный аппарат КГБ СССР.

После известных событий в Москве, когда начали называть имена десятков и сотен прежних и нынешних осведомителей КГБ и наконец прежде закрытые архивы госбезопасности стали достоянием гласности, никто уже не удивлялся, находя в списках агентов самые громкие фамилии деятелей местных национальных движений. С самого начала перестройка, по мысли ее «архитектора» Горбачева, должна была проходить в рамках советской системы и под контролем партии и правоохранительных органов. Именно так и понимали свою задачу органы КГБ, при помощи которых создавались народные фронты во всех национальных республиках. Именно тогда в их руководство в массовом порядке внедрялись агенты КГБ, работавшие как на местные службы, так и непосредственно на Москву.

– Вы хотите, чтобы я выкрал документы из архивов нынешней российской разведки? – холодно спросил Дронго. – По-моему, вы несколько переоценили мои возможности. Для этого нужна дивизия десантников, и то без всяких шансов на успех. У вас несколько неправильное представление о моих возможностях. Достать архив не удастся. Это все равно, как если бы ЦРУ попросило кого-нибудь раздобыть списки российской агентуры в Америке. Я удивлен, господин Хургинас, что вы приехали с подобной просьбой. По-моему, и так ясно, что она абсолютно невыполнима.

Вместо ответа Хургинас достал фотографию.

– Это один из бывших руководителей нашей бывшей контрразведки полковник Лякутис. Он убит в Москве примерно в то же время, когда совершено убийство в Вильнюсе.

Дронго взял фотографию.

– Дело в том, – сказал наконец Хургинас, – что два убийства подряд слишком явно указывают на заговор. Мы предполагаем, что наш бывший дипломат работал раньше на КГБ, а затем отказался от сотрудничества с ними. Они его шантажировали и, когда он отказался окончательно, его убрали.

– У вас есть основания полагать, что он работал на КГБ? – нахмурился Дронго.

Стасюлявичюс посмотрел на напарника. Тот тихо вздохнул и кивнул:

– Да, у нас есть все основания так считать. Нашим друзьям удалось достать материалы из исчезнувшего архива КГБ. Они неопровержимо свидетельствуют о том, что он работал на КГБ в качестве «агента центрального подчинения». Мы считаем, его убрали именно за отказ продолжить сотрудничество.

– Вы предполагаете, что его убрали представители нынешних российских спецслужб? – У Дронго окончательно испортилось настроение. Дело предстояло не просто трудное, но и очень грязное.

– Мы хотим, чтобы вы дали заключение по всему комплексу вопросов, которые мы здесь затронули, – быстро вмешался Стасюлявичюс, не дав ответить Хургинасу. Тот недовольно покосился на напарника, но промолчал.

– Теперь излагайте ваши условия, – мрачно сказал Дронго. – Честно говоря, мне совсем не хочется браться за ваше дело, господин Стасюлявичюс. Оно кажется очень дурно пахнущим. Однако вы назвали имя Сигрид Андерссон, дочери женщины, которая когда-то погибла из-за меня. И только в память о погибшей я соглашусь помочь вам. Хотя предупреждаю: никаких гарантий дать не могу. Неудача может постигнуть и меня.

– Мы хотели бы услышать ваши условия, – снова быстро сказал Стасюлявичюс, словно опасавшийся разговора Дронго с представителем службы безопасности. Хургинас снова покосился на него и опять промолчал.

– Пожалуйста, сформулируйте внятно и четко мою задачу, – попросил Дронго, – после чего я смог бы назвать свои предварительные условия.

– Во-первых, нам нужен архив, во-вторых, нам нужен архив и, в-третьих, нам нужен архив, – сказал Стасюлявичюс. – Если вы еще и узнаете, кто и зачем убрал моего бывшего коллегу, мы вполне этим удовлетворимся. Но, повторяю, нам нужен архив, вывезенный в Германию.

– А почему вы уверены, что его вывезли именно туда?

– У нас есть некоторые соображения по этому поводу, – снова очень быстро произнес заместитель министра, – но этот специфический материал и информацию вы получите только после того, как мы договоримся.

На этот раз Хургинас не стал молчать.

– Мы имеем все основания полагать, что архив находится в Германии, – сухо сказал представитель службы безопасности. – Его вывозили из Литвы летом девяносто первого в обстановке секретности, чтобы об этом не узнали наши власти. Вы помните, что тогда случилось на литовско-белорусской границе?

Дронго был не просто экспертом, он был аналитиком и поэтому сейчас стал перебирать в голове события, происшедшие тогда в Литве. К этому времени он уже начал работать, оправившись после тяжелого ранения в восемьдесят восьмом.

– Там произошла, кажется, какая-то стычка на границе, – заметил он. – По-моему, было несколько убитых.

Вместо ответа Хургинас достал из кармана и бросил на стол целую пачку фотографий.

– Смотрите, – предложил он, – смотрите. Их убивали, подло расстреливая, добивая выстрелами в голову. Посмотрите на этих молодых ребят. – От волнения у него задергалось лицо.

– Там перебили целую заставу, – подтвердил Стасюлявичюс. – Тогда выдвигались разные версии, кто и зачем мог это сделать. Но истину установить сразу не смогли. Один из ребят выжил. И теперь мы точно знаем, кто именно в них стрелял. Это оказалась специальная группа КГБ, высланная в Вильнюс для работы с подобными документами. В нее входили четыре человека. Возглавлял группу полковник Савельев. С ними в последние месяцы работал и полковник Лякутис. Видимо, на границе что-то обнаружилось, и четыре профессионала КГБ легко расправились с неопытными молодыми ребятами. Тем более что только двое – Савельев и Лозинский – были специалистами по документации. Они, наверное, даже не успели достать оружие. Потом наши криминалисты установили, что стреляли в основном из двух автоматов. И из двух пистолетов добивали раненых.

– В группу входили «ликвидаторы»? – помрачнев, понял Дронго.

– Видимо, да. Некоторые наши прежние сотрудники КГБ помнили, что их было четверо. Однако фамилий мы не знаем. Но происшедшее на границе дает основание полагать, что в группу входили «ликвидаторы» – профессиональные убийцы КГБ, сопровождавшие груз, – печально подтвердил Стасюлявичюс.

– Надеюсь, вы не считаете, что профессиональные убийцы находились только в КГБ, а в других спецслужбах их не держат? – спросил Дронго.

– Другие спецслужбы не работали против моей страны, – холодно парировал Стасюлявичюс, – поэтому мне трудно судить. Будет лучше, если вы скажете нам свои условия и мы перейдем к их обсуждению.

– В таком случае я постараюсь сделать все что смогу, – подтвердил Дронго. – Если здесь замешаны «ликвидаторы» КГБ, это все несколько усложняет. Но я все равно постараюсь узнать, что там случилось. По-моему, триста тысяч долларов – не очень большая сумма. Сто до начала операции и двести после. При этом аванс не возвращается даже в случае неудачи.

Его собеседники переглянулись.

– Надеюсь, вы не считаете, что я могу взять деньги и халтурить, – улыбнулся Дронго, – моя репутация стоит гораздо больших денег.

– Мы знаем, – ответил Хургинас, – мы о вас много слышали. – Он обернулся к своему спутнику.

– Мы согласны, – подтвердил Стасюлявичюс, – мы согласны на все ваши условия.

– Хорошо, – сказал Дронго. – Теперь, перед тем как ваш коллега посвятит меня в некоторые «специфические» проблемы, о которых вы изволили сказать, уточним еще один важный вопрос. Кто, кроме вас, знает о вашем визите? Вы утверждаете, что прилетели в официальную командировку. Но мне кажется, помимо президента, о вашем визите осведомлены еще несколько человек.

Стасюлявичюс явно удивился.

– Да, – признался он, – но это не так важно.

– В нашем деле важно все, – возразил Дронго. – Вспомните, кто именно знает о вашем визите?

– Председатель правительства, спикер парламента, руководитель службы безопасности, – стал перечислять Стасюлявичюс, – двое сотрудников аппарата президента, еще несколько человек из аппарата службы безопасности. Министр иностранных дел. Не больше десяти-пятнадцати человек.

– Очень много, – покачал головой Дронго. – Надеюсь, вы составите мне точный список этих лиц. Только не забудьте включить в него и собственных жен, если они тоже в курсе того, куда вы отправились.

– Вы сильно перестраховываетесь, – улыбнулся Хургинас.

– Нет, я просто люблю все делать основательно. Кроме того, мне понадобятся материалы по убийствам в Москве и Вильнюсе, имеющиеся в вашем распоряжении.

– Разумеется, – согласился Хургинас.

– И последнее условие. Ни при каких вариантах вы не вмешиваетесь в мое расследование. Я веду его самостоятельно и так, как считаю нужным. Если по какой-либо причине захотите, чтобы я прервал расследование, вам придется выплатить и оставшуюся часть суммы.

– Мы согласны, – сказал Стасюлявичюс. Хургинас молча кивнул. – Тогда начнем, – подвел итог разговору Дронго. – С этой минуты я занялся поиском архивов.

Глава 5

Из окон номера открывался изумительный вид на мост, рядом с которым находилось здание. Отель «Мария Кристина» в Сан-Себастьяне был тем самым любимым местом Дункана, куда он обычно приезжал отдыхать во время отпуска. Может, потому, что в Сан-Себастьяне по странному стечению обстоятельств когда-то оказались его родители-дипломаты и ровно сорок восемь лет назад здесь родился мальчик, ставший новым английским гражданином.

Тогда сама Испания переживала довольно сложную ситуацию: сказывалось окончание войны, растерянность Франко и его окружения, понимавших, что после крушения естественных союзников в лице Гитлера и Муссолини Испания оказалась обособленной на международной арене. Только коммунизм, «холодная война» и необходимость изоляции советского восточного блока в Европе привели к тому, что франкистскую Испанию и салазаровскую Португалию демократические страны Запада стали считать «своими» в той изнурительной борьбе, которая началась между двумя политическими системами в разделенном на два противоборствующих лагеря мире.

Дункан Фрезер был профессиональным сотрудником секретной службы ее величества. Несмотря на возраст, он выглядел довольно молодо, по-прежнему красивый, подтянутый, с вечно широкой улыбкой, столь не свойственной англичанам и указывающей скорее на кровь его матери – наполовину итальянки, а наполовину хорватки. Может, от нее он и получил ту жизнерадостность, которой так не хватало истинным гражданам туманного Альбиона.

Еще с молодых лет он старательно изучал русский язык, считая, как и многие его коллеги, что Советский Союз в течение многих десятилетий будет представлять угрозу непосредственно Великобритании и самому существованию западного мира. Уже тогда беспристрастные аналитики отмечали нарастающие тенденции разложения в стране, которую один из американских президентов патетически назвал «империей зла». Президент, в прошлом актер Голливуда, мог себе позволить подобное сравнение. Фрезер же как профессионал точно знал, что именно хорошо, а что плохо в советской системе хозяйствования.

Уже тогда они отмечали очевидные промахи в экономике и идеологии, наблюдая, как дряхлеющие советские лидеры не совсем уверенно руководят половиной земного шара. И наконец в середине восьмидесятых именно триумф английской секретной службы сделал возможным изменение мира.

Прибывшему для знакомства с премьер-министром Англии тогда еще не Генеральному секретарю ЦК КПСС, а всего лишь кандидату на это место Михаилу Горбачеву предстояло встретиться с Маргарет Тэтчер. По сложившейся традиции сотрудники советского посольства в Лондоне должны были подготовить краткую записку-анализ о положении в Англии, изложить перспективы сотрудничества и основные моменты, на которые высокому гостю следовало обратить внимание.

Разумеется, почти все данные посольства основывались в первую очередь на информации сотрудников ПГУ КГБ в Англии, во главе которых стоял Олег Гордиевский. Он, правда, еще не успел стать резидентом, а всего лишь исполнял обязанности. Зато к этому времени у него наладились прочные связи с английской разведкой, которой он поставлял многочисленную информацию. Именно Гордиевский и принял участие в составлении доклада для Горбачева, это его мысли, вернее – мысли секретной службы ее величества, озвучивал Михаил Горбачев на встрече с премьер-министром Великобритании.

Маргарет Тэтчер была очарована умом, энергией и динамизмом одного из самых реальных кандидатов на роль лидера восточного блока, даже не подозревая, чью информацию Горбачев использовал во время беседы. Вскоре высокий гость стал руководителем восточного блока,

а возникшие симпатии между двумя лидерами помогли установить и доверительные отношения между Тэтчер и Горбачевым.

Правда, Гордиевский к этому времени провалился, но английские разведчики уже работали почти во всех странах Восточной Европы, с тревогой и радостью наблюдая за общим развалом в странах восточного блока, начатым по «принципу домино» в Польше и перекинувшимся оттуда в другие страны.

Даже лучшие аналитики советской системы в начале восьмидесятых не могли предполагать, что к концу девяносто первого Советский Союз исчезнет с политической карты мира. Даже самые выдающиеся эксперты не ожидали столь стремительного краха огромной супердержавы, по праву считавшейся самым грозным противником западного мира.

После развала Советского Союза и некоторой эйфории, свойственной победителям, выяснилось, что под обломками развалившегося государства погребены многие проблемы, требующие своего разрешения. Вместо одного государства образовалось целых пятнадцать. И хотя непосредственной угрозы они не представляли, тем не менее все новые республики оказались так же непредсказуемы и сложны в понимании для западного менталитета, как и бывший Советский Союз. Фрезер, уже подумывавший, не поменять ли специализацию, одним из первых понял, что с крушением Советского Союза их отдел не останется без работы, специалисты-профессионалы еще понадобятся и в борьбе против российской разведки, и в сложной схватке с другими западными разведками за секреты постсоветского пространства.

Он плавал в бассейне, когда к нему подошла миловидная девушка, с улыбкой сообщившая, что на его имя пришел срочный факс из Лондона. Дункан едва не чертыхнулся. Он только приглядел поселившуюся в отеле молодую женщину, с которой собирался сегодня вечером поужинать. Черт побери, почему Дэвид не может оставить его в покое хотя бы на несколько дней? Впрочем, подобные стенания часто раздаются из уст человека с неустоявшимся графиком работы, ожидающего задания в любую минуту и в любой точке земного шара.

Бросив последний взгляд на красивую итальянку, он вылез из бассейна и затопал к раздевалке. Переданная ему записка содержала стандартную просьбу связаться с представительством компании для уточнения деталей будущего договора. Он знал: это означает приказ срочно возвращаться в Лондон. Он вылетел вечерним рейсом.

Все секретные службы мира похожи друг на друга, но каждая имеет свою специфику. В разведке КГБ, где не жалели ни денег, ни людей, главными показателями являлись массовость охвата и техническое вооружение агентов. В ЦРУ самым важным считалась способность агентов к самостоятельному мышлению и перспективы их роста. В Израиле упор делали на своих единоверцев, рассыпанных по всему миру. В английской секретной службе особый упор делался на... секретность. Иногда даже показательно выраженную. До середины восьмидесятых годов о назначении главы разведки даже не сообщалось, не говоря уж о его имени или биографии.

Завесу секретности впервые приоткрыла Стелла Римингтон, о которой сообщили все газеты мира, а чуть позднее и напечатали ее фотографию с краткой биографией. О структуре разведывательного ведомства, специальных агентах, местных резидентурах не было сказано ни слова. Точно так же и офис, построенный для службы разведки, служил лишь прикрытием, видимой верхушкой огромного айсберга. На самом деле агенты никогда не ездили в это здание, а резиденты, вызываемые из разных стран, принимались руководством совсем в других местах.

Дункан прилетел в Лондон поздно ночью, а уже ровно в девять утра сидел в кабинете Дэвида Страуса, своего непосредственного руководителя. Невысокого роста, с большой выпуклой лысой головой, потухшим темным лицом, характерным для человека, всю свою жизнь просидевшего в кабинетах, Страус никогда не был агентом с правом на самостоятельные действия. Страус считался аналитиком, обрабатывая полученную информацию и выдавая ее результаты непосредственному руководству. Именно благодаря его чутью и талантам он и продвигался по

службе, сидя в кабинетах, тогда как другие агенты, добывающие информацию непосредственно на местах, ошибались или проваливались один за другим.

– Иногда кажется, – беззлобно заметил Фрезер, – что вы специально разрешаете мне куда-нибудь уехать, чтобы затем срочно вызвать обратно. Это как поводок, который отпускаешь, а когда он натягивается, дергаешь сильнее, чтобы дать почувствовать, в чьих именно руках он находится.

– Когда вы перестанете шутить? – покачал головой Страус. Из-за язвы он никогда не улыбался.

– Вы могли бы привыкнуть к моему характеру за столько лет, – улыбнулся Фрезер.

– А вы к моему, – парировал Страус.

Фрезер поднял вверх обе руки.

– Сдаюсь. Спорить с вами – самое бесперспективное занятие. Вы все равно окажетесь правы. У вас всегда абсолютная логика.

Страусу, очевидно, надоел этот разговор. Вместо ответной реплики он поднял со стола папку с документами.

– Возьмите это и срочно изучите. У вас всего один день. Завтра утром вы доложите мне свои соображения.

– Что-нибудь случилось?

– Сначала прочтите документы, – ворчливо предложил Страус.

Фрезер незаметно усмехнулся. Он знал манеру своего непосредственного руководителя заставить изучить документы, но потом разъяснить все самому, чтобы прочувствовать реакцию собеседника.

– Именно из-за этого меня так срочно вызвали? – невинным голосом спросил Фрезер.

– Это очень важное дело, – строго заметил Страус. – Речь идет об исчезнувшем архиве литовского КГБ. Сейчас уже нет сомнений, что его вывезли не в Москву, как мы тогда предполагали. Архив оказался в Германии. Более того, по сообщениям нашего посольства в Бонне, кто-то уже предлагал представителям Лэнгли конкретные дела из этого архива. По счастливой случайности они вышли на этого бизнесмена. Впрочем, я не вижу здесь ничего удивительного. Для немцев и русских все американцы – агенты ЦРУ, а любой бизнесмен так или иначе связан со своей разведкой. По-своему они правы, но их подвело одно обстоятельство – наш бизнесмен оказался другом американского консула и их часто видели вместе. Очевидно, на этом основании русские и немцы, которые предложили этот товар, сделали вывод о его причастности к ЦРУ.

– Ему предложили документы из архива литовского КГБ? – не поверил Фрезер.

– Вот именно. Он сразу сообщил об этом в наше посольство. Я считаю, нам просто повезло, что они вышли именно на нас. Хотя в чем-то мы попытаемся обскакать американцев. Это нам очень кстати. У них и без того сильные позиции в Европе, в частности в Прибалтике.

– И кто предлагал документы? Неужели немцы? – спросил Фрезер.

– Судя по всему, да. Но я думаю, что они связаны с русскими.

– Почему они тогда не предлагают их своей разведке?

– Поставьте себя на их место. Они живут в Германии, пытаются ничем особенным не выделяться и вдруг сообщают своей разведке, что имеют такой материал. Да еще по Прибалтике. Зачем немецкой разведке его покупать? Она просто задержит всю эту подозрительную компанию бывших русских и немецких разведчиков и отнимет документы на вполне законных основаниях. Нет, они правильно сделали, обратившись к американцам. Те заплатят гораздо больше.

– А у самих русских нет копии этих документов? Может, они не имеют уже никакой цены? – предположил Фрезер.

– Эти документы срочно готовились летом девяносто первого года. Тогда в Вильнюс за ними выехала специальная группа КГБ СССР. Они должны были вернуться в Москву двадцатого августа. Вы помните, что произошло в Москве девятнадцатого и двадцатого августа?

– Помню. – Фрезер был специалистом по Советскому Союзу и не мог забыть именно это число. Тогда казалось, что вся мировая история подвешена на какой-то маятник и от того, как именно он качнется, зависели судьбы миллиардов людей от Токио до Лос-Анджелеса.

– Документы тогда не пришли в Москву? – понял Фрезер.

– Вот именно. Они просто исчезли, растаяли в воздухе. Тогда арестовали председателя КГБ Крючкова, на следующий день с работы сняли его преемника генерала Шебаршина. В обстановке подобного развала были утеряны и документы по «агентуре центрального подчинения». Это очень важные документы, Фрезер. Фактически там собраны фамилии и клички всех «агентов центрального подчинения», остающихся в Литве. А это не дешевые бармены или вокзальные проститутки, годившиеся в полицейские осведомители. И не чиновники министерств, которые могли давать информацию своих ведомств. Там речь шла об очень крупных политиках, министрах, депутатах. Если Москва получит этот архив и сумеет его правильно использовать, в Вильнюсе снова будет восстановлена «пятая колонна» русских.

– Я не совсем понимаю, сэр, – осторожно спросил Фрезер, – у них же наверняка остались донесения сотрудников, которые с ними работали. Зачем им в таком случае архив? На агентов можно выйти и без него.

– Вы забываете о конкретной ситуации, Фрезер, – поучительно сказал Страус, поднимая указательный палец правой руки. – Во-первых, там практически не осталось прежних кадров. Вы лучше меня знаете, как старых коммунистов выгоняли из центрального аппарата и как там избавлялись от лучших работников. Во-вторых, несколько изменилась обстановка. Раньше работать на КГБ считалось престижным и нравственным. А в независимой республике приоритеты несколько поменялись. Теперь это самый большой позор для любого политика, и они все отрешиваются от сотрудничества. Вынудить их снова работать на российскую разведку практически невозможно. Есть только один выход в таком случае. Найти непосредственные расписки самих агентов с их личными заверениями в преданности тогдашнему КГБ. Понимаете? То, от чего никто не сможет отказаться.

Фрезер кивнул. Страус, как обычно, говорил четко и убедительно. Именно эти качества помогли ему стать начальником отдела.

– И, наконец, не менее важно третье обстоятельство. – продолжал Страус. – После принятия в НАТО восточноевропейских государств наступает очередь и Прибалтики. Нас очень интересует, кто может стать нашим союзником в Литве, с кем мы будем иметь дело. Но точно так же этот вопрос волнует наших германских коллег. Я уж не говорю про американцев. Если они опередят нас и сумеют достать эти документы... – он покачал головой, – это практически будет означать, что Литва, и без того испытывающая сильное влияние Германии, станет страной, управляемой исключительно немцами. Или американцами. Ведь заставить работать агентов под угрозой разоблачения они наверняка смогут. А мы просто потеряем наше влияние в районе Балтийского моря.

– Я все понял, сэр. Вы, как всегда, рассказали все точно и емко, еще до того, как я успел ознакомиться с документами.

– Вы, как всегда, врете, – усмехнулся Страус. Он не умел улыбаться, только усмехался. – Просто хотели мне польстить и, зная мой характер, заставили меня рассказать вам все еще до того, как вникли в суть того дела. Я вас, хитреца, насквозь вижу.

Фрезер улыбнулся в ответ.

– Ну, раз вы все понимаете, тем лучше, – сказал он, не теряя самообладания. – Вам нужно встретиться с человеком, который предлагает эти документы. Он будет считать вас американцем, не надо его разубеждать. Главное – достать эти бумаги. Не особенно торгуйтесь, мы готовы

заплатить за них любую приемлемую сумму, лишь бы документы попали к нам. Они нас очень интересуют, Фрезер, вы меня понимаете? Очень, – подчеркнул он последнее слово. – Встреча состоится через два дня в Гамбурге.

– Мне все ясно, сэр.

– Фрезер, – окликнул его на прощание Страус. Что-то в его голосе заставило Дункана обернуться. – Я не сказал вам еще об одном обстоятельстве. И тоже очень важном. Литовское правительство создало специальный фонд для поисков своего исчезнувшего архива. И знаете, кому обещали эти деньги? – Он не сделал эффектной паузы. – Дронго. – И добавил: – Теперь вы не сомневаетесь, что у нас действительно нет времени?

Глава 6

Он прибыл в Москву рейсом «Трансаэро». В последние годы эта молодая компания стремительно завоевывала все новые позиции. И он любил летать самолетами именно этой компании. Кроме прекрасного обслуживания, она отличалась и своей кухней, а он чувствовал, как к сорока годам становится гурманом, получая удовольствие от этого столь объяснимого порока.

В свою московскую квартиру Дронго приехал поздно ночью. Он не был здесь несколько месяцев. Повсюду лежал тонкий слой пыли. Раздевшись, он взял тряпку и начал наводить порядок. Потом принял душ. При этом он продолжал думать о своем задании. Он понимал, что дело не просто в архивах маленькой прибалтийской республики. Речь шла о возможности стабильного существования Литвы в тех условиях постсоветского пространства, в которых ей предстояло выживать.

Документы, предоставленные Хургинасом, подтверждали версию о вывозе архива из Литвы в августе девяносто первого. Теперь следовало внимательно проанализировать предстоящую работу, четко продумать план действий.

Документы из архива предлагали в Дюссельдорфе. Следовательно, там не может находиться их основной владелец. Иначе он не разрешил бы совершить сделку именно в Дюссельдорфе. Но он обязательно находится в Германии: такие документы не возят через границу, даже если она проходит внутри Шенгенской зоны. Значит, Савельев, если только это действительно он, вывез документы в августе девяносто первого именно в Германию. Но почему в Германию? Легче было бы спрятать их где-нибудь поблизости, на Украине или в Белоруссии. Хотя нет, в августе менялась только власть. А развал страны произошел позднее, и его закрепили в декабре беловежскими соглашениями. Значит, Германия. Как же он тогда провез архивы через три границы? Германия? Получается, что его там ждали надежное убежище и надежный друг, который помог бы ему в первое время. Какой такой друг мог быть у полковника КГБ и его группы? И почему именно в Германии? В августе девяносто первого... Полковник КГБ... Там в это время находилось много военных, много офицеров КГБ. Все точно.

Группа советских войск еще оставалась в Германии, вспомнил Дронго. Он повез архив в Германию к своему другу или к группе друзей, которые, как ему тогда казалось, могли защитить его, спрятав эти документы. Значит, нужно искать среди знакомых Савельева, причем один из них должен занимать очень большую должность в группе советских войск.

Сидя в кресле, он размышлял. Подобная работа всегда доставляла ему гораздо большее удовольствие, чем активные действия с крушением челюстей и стрельбой на выживание. Он не любил стрелять и не любил убивать. Особенно ему не нравилось, когда стреляли в него.

Кроме Савельева, в группу входил подполковник Лозинский. Где он теперь и что с ним случилось? Нужно попытаться узнать, используя свои старые каналы связи. И существовали еще два «ликвидатора», то есть два профессиональных убийцы. Куда они подевались после того, как устроили такую бойню на литовско-белорусской границе?

«Похоже, без консультации с Владимиром Владимировичем не обойтись», – понял Дронго. Часы показывали уже половину двенадцатого, когда он поднял трубку и набрал номер своего старого знакомого. Телефон ответил почти сразу. Владимир Владимирович жил один, и телефонный аппарат обычно стоял рядом с ним на столике.

– Добрый вечер, Владимир Владимирович, – приветливо начал Дронго, – надеюсь, вы еще не спали?

– Уже собирался. Почему ты звонишь всегда так поздно? – ворчливо спросил Владимир Владимирович.

– Наверное, потому, что я ярко выраженная сова, – пошутил Дронго.

– Как твои дела?

– Пока все в порядке. Мне опять нужна ваша помощь.

Владимир Владимирович проработал в КГБ почти полвека. Это была ходячая энциклопедия, знавшая обо всем и обо всех. Уже когда он вышел на пенсию, его использовали для связи с самим Дронго, если требовалось срочно решить какую-нибудь достаточно сложную задачу. В свою очередь, и сам Дронго охотно прибегал к помощи старого знакомого, который жил на весьма скромную пенсию бывшего полковника КГБ и не мог бы помогать семье своей дочери, если бы Дронго исправно не выплачивал ему часть своих гонораров.

– Какая помощь? – спросил Владимир Владимирович.

– В КГБ летом девяносто первого была создана специальная оперативная группа под руководством полковника Савельева, которая действовала в Литве. Речь идет о вывезенном архиве, который не дошел до Москвы. Мне нужно знать, во-первых, кто именно входил в его группу и, во-вторых, не было ли у него близких друзей в группе советских войск в Германии.

– Только это? – уточнил Владимир Владимирович. – Я думал, ты попросишь по меньшей мере списки агентуры нынешней российской разведки во всех странах Прибалтики.

– Это примерно одно и то же, – пробормотал Дронго.

– Ладно, – согласился его собеседник, – постараюсь что-нибудь сделать. Завтра вечером позвони.

– Спасибо. – Он положил трубку. Теперь ему оставалось ждать завтрашнего вечера. Еще предстояло уточнить, как погиб полковник Лякутис. Московский адрес полковника дал ему Хургинас.

Утром он поехал по указанному адресу. Обычный московский дворик. На скамейке сидели две старушки, во дворе играли дети. Ничто не указывало на трагедию, которая произошла здесь несколько месяцев назад. Он прошел в подъезд, поднялся на третий этаж. Убедившись, что звонок не работает, осторожно постучал. За дверью никто не ответил. Он постучал снова, на этот раз сильнее.

Дверь медленно открылась. На пороге стояла потухшая женщина. Он знал, как выглядят обычно подобные женщины, неожиданно теряющие своих любимых мужей.

«Проклятая профессия, – подумал Дронго, – приходится мучить вдову после такого горя».

– Добрый день, – вежливо сказал он, – извините, что я вас беспокою. Здесь жил полковник Лякутис?

– Да, – равнодушно ответила женщина, – он жил здесь.

– Я его бывший сослуживец, – соврал Дронго. – Можно войти?

– Входите, – так же равнодушно сказала она, пропуская гостя внутрь.

Квартира выглядела сиротливо, словно сама жизнь покинула это жилище. Он прошел в столовую, сел за стол. Она села напротив, устало положив руки на стол.

– Как вас зовут? – спросила женщина.

– Полковник Савельев, – чуть поколебавшись, представился он, внимательно следя за реакцией женщины. На нее это не произвело никакого впечатления, словно она впервые услышала такую фамилию. Покойный Лякутис не посвящал жену в свои служебные проблемы.

– Он ничего обо мне не рассказывал? – спросил Дронго.

– Нет. – Женщина покачала головой. Она пребывала еще в таком состоянии, когда не врут из вежливости.

– Наверное, он говорил обо мне. Мы начали работать с ним давно, еще лет пятнадцать назад, когда я приезжал в Литву. И совсем недавно, перед самым распадом, я был командирован в Вильнюс.

– Вполне возможно, – согласилась она, – но я не помню. Он не любил рассказывать о своей работе. Только сейчас начинаю понимать, что, прожив с ним столько лет, я мало интересовалась его проблемами.

Она отвернулась, но ни одним жестом, ни звуком не показала своего состояния.

– Как он погиб? – спросил Дронго.

– Его убили около нашего дома. Какой-то снайпер. Я целый месяц не могла спокойно проходить мимо этого места. Слава богу, скоро перееду отсюда к дочери.

– А кто это был, выяснили? Что-нибудь удалось узнать?

– Нет. Просто нам сказали, что неизвестный снайпер. Милиция до сих пор ищет. Следователи доказывают мне, что найти убийцу очень трудно. А я знаю: когда хотят, находят. И кому он мог помешать? Врагов мы не имели, в коммерческие дела никогда не ввязывались – на это он был не способен.

– Тогда, может, существуют другие причины убийства? – осторожно заметил Дронго.

– Не знаю. Возможно, что-то связанное с их банком. Но там у него все спокойно. Милиция проверяла его банк и всех его работников, но ничего не нашла. Они говорят, будто не могут найти каких-либо мотивов для убийства. Немотивированное убийство почти не раскрывается – это термин их следователя.

– А вы сами как считаете? – Ему приходилось быть предельно внимательным и осторожным, не очень нажимая на несчастную женщину.

– Не знаю. У него не было никаких секретов. Правда, последние два дня он ходил какой-то задумчивый. В тот вечер мы первый раз выбрались с ним в театр. – Она тяжело вздохнула. – Я ему советовала не ходить, но он настоял. Получилось, что и в последний.

Она оказалась очень сильной женщиной, если могла говорить о подобном, выдерживая все его вопросы.

– Извините меня, – искренне сказал Дронго, – я причиняю вам боль своими вопросами.

– Ничего, – сказала она и снова вздохнула, – сейчас уже легче. Не так больно, как раньше. Боль постепенно притупляется.

– Вы переехали сюда еще в девяносто первом?

– Да, сразу после августа. Он пришел домой и сказал, чтобы я собиралась. Он уволился с работы, и мы переехали сюда, в Москву. Он думал устроиться на работу, но тогда здесь царили такие беспорядки. Сначала он даже нанялся сторожем. Очень переживал за Литву, за свою бывшую работу. Но потом нам казалось, что все наладилось...

Она все-таки заплакала.

Проклиная все на свете, он пошел на кухню, налил стакан воды из чайника, принес женщине.

– Извините, – сказала она, – простите меня. Я не выдержала.

«Они всегда такие сдержанные, эти прибалты», – подумал Дронго, поднимаясь.

– Вы не могли бы дать мне адрес вашей дочери? – попросил он на прощание.

– Зачем? – удивилась она.

– У меня остались письма вашего мужа. Я хотел бы переслать их вам, – в последний раз соврал Дронго.

– Спасибо. – Она назвала адрес, не спрашивая, почему он не записывает. Жена офицера КГБ, она знала, как тренируют профессиональную память коллеги ее мужа.

Он попрощался и вышел из квартиры, осторожно закрыв за собой дверь. Встреча с женщиной подтвердила его предположения. Теперь следовало ждать сообщений от Владимира Владимировича. Он вышел из подъезда и посмотрел на небо. Стояла довольно теплая погода, несмотря на февраль, и он решил немного пройтись пешком.

Уже через пятьдесят метров он почувствовал, что за ним следят. Это ощущение взгляда в затылок он знал слишком хорошо. Пройдя еще немного, он уже не сомневался в том, что за ним кто-то идет. Молодой, наглый, не очень маскируясь, он следует за ним по пятам. Нужно от него оторваться.

Интересно, кто это может быть? Он завернул за угол, решив проверить своего наблюдателя. В этот момент рядом притормозила «Волга». Сидевший за рулем пожилой человек посмотрел на него и, недобро усмехнувшись, приказал, поднимая пистолет:

– Давай в машину, и быстро. Только без глупостей.

А сзади уже подбегал молодой наблюдатель.

Глава 7

В день похорон Алексеев был не просто мрачен. Его потрясло обрушившееся на семью друга горе. Однако, кроме обычных в такой день волнений, он испытывал и другие чувства: жгучую обиду за неустроенную жизнь такого профессионала, как Лякутис, и невосполнимость потери человека, которого он давно знал и высоко ценил.

Алексеев, несмотря на давнее знакомство, никогда не заводил с ним разговора о трагических для него последних двух годах советской власти в Литве. Этих людей сформировала сама система, их деды и прадеды защищали советскую власть во время революции в составе латышских стрелков. Это их потом первых расстреливали в тридцать седьмом, находя среди них «предателей» и «шпионов». Их отцы с оружием в руках защищали родную Литву от нашествия фашистов, освобождали Вильнюс. И потом долгие годы получали за это подлые удары ножами и выстрелы в спину «лесных братьев».

И, наконец, сам полковник Лякутис всю свою жизнь честно прослужил в органах контрразведки, отдавая любимому делу всего себя без остатка. Для него понятие Родины в тот момент не разделялось на края и подлески. Эта была одна большая Родина – от Калининграда до Камчатки, от Мурманска до Кушки, которую он обязан любить и защищать.

Трагедия этих людей заключалась не столько в том, что они защищали ошибочные взгляды или придерживались неправой стороны. Их трагедия была в самом времени, потребовавшем развала одного из противостоящих мировых блоков, чтобы сделать победу другого окончательной и бесповоротной. В одно мгновение бывшие герои стали «подлецами» и «предателями». Люди, отдававшие всю свою жизнь идее, пусть нелепой и не совсем исполнимой, получили обидное прозвище «пособников оккупантов», «предателей родной земли».

А другие, которые действительно предавали и стреляли, убивали и карали, тоже во имя идеи, но другой, пусть даже, по их понятиям, более правильной, стали в один миг патриотами и героями. Особенно тяжело приходилось старикам. Они еще помнили ту, старую, довоенную Литву и последние пятьдесят лет, которые они прожили в новой, другой Литве. Теперь снова акценты менялись, и старики с ужасом обнаруживали, что в их дома стучатся новые хозяева, дети тех самых людей, которые, казалось, навсегда покинули Литву.

Никто не говорил о сотнях, тысячах честных людей, оставшихся в Прибалтике и в других республиках один на один со своими проблемами. Ветераны войны боялись надевать свои награды, во многих республиках «новые патриоты» отменяли даже День Победы. И безжалостно преследовали тех, кто успел отличиться в другой, доразвальной жизни их республик. Люди сходили с ума, стрелялись, выбрасывались из окон, проклиная все вокруг. А в это время в Минске мирно спал в своей кровати бывший ученый, похожий на вещую сову из-за своих печальных больших глаз и немного вытянутой головы, даже не понимавший, что именно он сотворил с миллионами своих бывших сограждан. Его не мучила совесть, и он спокойно рассуждал «о неизбежности исторических процессов», не сознавая масштаба того горя, которое он принес народам одним росчерком своего пера.

А в Москве храпел в своей постели не всегда здоровый лидер, который тоже не совсем понимал, что именно он сделал во имя собственного тщеславия и власти. Он не мог осознать масштаба той вселенской трагедии, которая разворачивалась на одной шестой части земного шара, когда миллионы его бывших соотечественников потеряли огромную Родину, растасканную по кускам в качестве маленьких триумфальных одеяний для будущих, во многом ничтожных и карикатурных национальных президентов мелких суверенных государств.

И в Киеве спокойно, по-молодецки храпел главный организатор беловежского развала. Смешной хохолок на голове немного топорщился, но упрямый лидер, которому собственный народ отказал даже в праве быть вожаком, по-прежнему считал себя правым и с удовольствием

рассуждал о «самостийности» его нового государства, иногда забывая, что столица этого государства была одновременно и самой древней столицей трех братских народов. Будучи неистовым идеологом в прежние времена, он стал таким же неистовым «радетелем самостийности», не замечая, как смешно и нелепо выглядит его мгновенное преображение.

Алексеев стоял у могилы Лякутиса, и горькие мысли мучили его. Помочь таким, как его друг, невозможно. Можно лишь отчасти облегчить боль одного или другого, выдать в посольстве нищенскую пенсию, чтобы ветераны не умирали от голода, продавая свои награды, или пособие уже переехавшим людям. Но трагедия продолжала разворачиваться, и десятками, сотнями, тысячами трупов платили бывшие советские люди за ужин трех лидеров в Беловежской пуще. И нерешительность четвертого, превратившегося в настоящее посмешище для собственного народа, отвергнутого и презираемого до такой степени, что уже через несколько лет, когда он снова попытался «оседлать коня», за него проголосовало больше полпроцента от оставшейся части населения бывшей когда-то его страны. Это и стало самой настоящей оценкой людьми и его деяний, и его слабости.

С кладбища Алексеев отправился на работу. Его еще утром вызывал к себе генерал Локтионов, но он выпросил это последнее прощание со своим другом, твердо решив для себя, что поедет на кладбище при любых обстоятельствах. И теперь, извинившись перед вдовой – он еще не мог выговаривать этого слова, – полковник возвращался к себе на службу в мрачном, подавленном настроении.

Именно в таком состоянии он и вошел к Локтионову. Генерал, нацепив очки, читал какую-то бумагу, что он редко делал при людях. Когда Алексеев вошел, он снял очки, убрал бумагу и, сухо поздоровавшись, поинтересовался:

– Проводили покойного?

– Да, – кивнул Алексеев, усаживаясь напротив него.

– Хороший был человек, – сурово сказал генерал, – настоящий патриот. И честный. Не то что нынешние проститутки. Некоторые уже в пять партий успели записаться и выйти.

Алексеев молчал. Генерал, очевидно, чувствовал его состояние, потому что вдруг спросил:

– На поминки не успел?

– Не успел, – признался Алексеев.

Локтионов встал, подошел к шкафу, достал начатую бутылку коньяка. Поставил на стол рюмки, бутылку, принес конфеты.

– Давай выпьем, полковник, – предложил он, – по нашему обычаю. И хотя это, наверное, не самый лучший поступок в моей жизни, я обычно не пью на работе с подчиненными, но тут такой случай. За упокой души твоего друга, Николай.

– Спасибо, – растрогался Алексеев. От всегда сухого и сдержанного Локтионова он действительно не ожидал ничего подобного. Они выпили молча, не чокаясь. И только когда генерал убрал бутылку и рюмки обратно в шкаф, Алексеев спросил у него: – Вы меня вызывали?

– Да. – Генерал уселся в свое кресло. – Во-первых, меня очень интересует, кто и почему убил твоего друга.

– Полиция ведет расследование, – удивился Алексеев. – Он работал в банке, а там все завязано на деньгах. Может, он кому-то и помешал.

– Не подходит, – возразил генерал. – Во-первых, он поступил туда недавно, во-вторых, судя по нашим данным, никакими коммерческими делами не занимался. Можешь почитать, если хочешь.

Генерал подвинул Алексееву папку с документами. Тот взял ее, раскрыл и, не веря собственным глазам, стал читать.

– Вы вели оперативную разработку на Лякутиса? – изумился полковник потом. – Но почему? Или считали, что он может быть завербован какой-то разведкой? Он давно ушел из органов, уже больше пяти лет. Чего вы боялись?

– Того, что произошло, – сухо сказал генерал. – Поначалу я не хотел тебя понапрасну тревожить, думал потом с тобой переговорить, но не успел. Это и моя вина тоже. У нас давно возникли вопросы к твоему другу, но мы считали правильнее провести сначала предварительную работу. Никто не ожидал, что события примут такой оборот.

– Но почему? Почему вас заинтересовал пенсионер?

– Летом девяносто первого, – начал рассказывать генерал, – тебя здесь не было. Ты находился тогда в командировке в Калининграде. В Вильнюс по приказу бывшего председателя КГБ СССР генерала Крючкова выехала оперативная группа полковника Савельева, чтобы обработать и привезти некоторые материалы. С ними работал тогда полковник Лякутис. Группа должна была выехать девятнадцатого. Так вот, она исчезла, испарилась в воздухе. С тех пор никто про них ничего не слышал. Время было сложное, лю-дей из КГБ увольняли тысячами, везде царил бардак, в разведке и контрразведке сжигали документы.

– И их не нашли?

– Нашли. Один из «ликвидаторов», находившихся в группе, вернулся и дал показания, что двое его товарищей погибли. Помнишь известную бойню на границе летом девяносто первого? На литовско-белорусской, когда стольких пограничников литовских убили?

– Помню, конечно.

– Так вот, он рассказал нам, что виноваты сами литовцы. Мы тогда это дело ворошить никак не могли. И так все кричали в один голос, что КПСС и КГБ нужно запретить, а всех его членов и сотрудников отдать под суд. Вот мы и промолчали. «Ликвидатор» указал нам место в Белоруссии, где они с другим офицером закопали трупы. Мы проверили, действительно оказалось два трупа. На этом дело и закрыли. На него поставили гриф «совершенно секретно» и сдали в архив.

– Не вижу связи с Лякутисом, – напряженным голосом сказал Алексеев.

– Недавно в Литве всплыли документы, которые должна была привезти к нам группа Савельева, – сообщил генерал, – значит, «ликвидатор», который сообщил подробности, либо врал, либо действительно ничего не знал. Мы стали проверять, и выяснилось, что не можем найти его. Он тоже исчез, словно испарился. Жена его умерла, с квартиры он съехал.

Алексеев молчал, пораженный таким развитием событий.

– Тогда мы решили эксгумировать трупы, – продолжал генерал, – хорошо еще, что их похоронили в Белоруссии и мы пока еще имеем доступ в эту республику. Представляешь, какие у нас возникли бы трудности, если бы эти трупы закопали на территории Литвы. Можешь ознакомиться с актом экспертизы. Абсолютно точно установлено, что оба трупа, даже в разложившемся состоянии, можно идентифицировать и однозначно сделать вывод, что ни один из них не принадлежит ни полковнику Савельеву, ни исчезнувшему вместе с ним майору Семенову. Он, кстати, тоже был «ликвидатором».

– А кто остальные? – спросил Алексеев.

– Потапчук и Лозинский. Последний ориентировочно живет в Киеве. Тоже на пенсии. Но тогда у нас возник вопрос: чьи трупы похоронены? Куда делись Савельев и Семенов? И где документы?

– Какие документы у них могли быть? – Алексеев листал папку, не находя ответа.

– Не ищи, все равно не найдешь, – махнул рукой генерал. – Документы, которые они везли, казались нам в девяносто первом ненужными и даже опасными. Тогдашнее руководство отдела от них открещивалось и после так называемой «смерти» Савельева и Семенова даже не стало их искать. Тогда они казались нам очень опасными, сейчас же кажутся не менее важными. Просто времена изменились.

– Какая документация у них была? – снова спросил полковник.

– По «агентуре центрального подчинения», – наконец ответил генерал, – практически вся элита литовской политики. Их собственноручные расписки, их показания, их согласие работать на КГБ. Ты понимаешь, что может случиться, если эти документы попадут в чужие руки? Литва стоит на пороге вступления в НАТО. И чтобы переломить настроение в свою пользу, достаточно завербовать нескольких человек из того списка. Я уж не говорю о том, как много информации может получить из документов любая зарубежная разведка.

– Группа Савельева занималась «агентами центрального подчинения»? – не поверил Алексеев. – И вы не искали эти документы столько лет?

– В том-то все и дело, – поморщился генерал. – Сначала было не до этого. Зачем привозить в Москву подобные документы, если наш тогдашний председатель лично отнес схему прослушивания американского посольства к их послу? Говорят, американцы издевались над нами несколько месяцев, когда вспоминали этого идиота. Ты хотел, чтобы документы привезли и положили ему на стол? Чтобы он повез их в Литву или передал еще какому-нибудь посольству? А вспомни про газеты! Он находился в таком состоянии, что мог сморозить любую глупость. Представляешь, какой разразился бы грандиозный скандал, опубликуй он хотя бы часть этих документов?

Алексеев сокрушенно молчал. Он помнил «революционную обстановку» осени девяносто первого, когда КГБ уничтожали большевистскими методами «прорабы перестройки».

– Кого тогда пустили в наш архив? – продолжал бушевать генерал. – Кого именно? Предателя Калугина, которому ни один приличный чекист и руки не подаст? Или отца Глеба Якунина, который даже бога своего предал и был отлучен от церкви? Или, может, мадам Старовойтову, которую хотели тогда сделать министром обороны? Хорошо еще, что до такой глупости не додумались. Иначе над нами действительно смеялись бы во всем мире. И не потому, что женщина не может быть министром. В России и на престол возводили женщин. Но царица не приходила разрушать, она приходила править и созидать. А у нас? Гавриил Попов, который подвел научную базу под коррупцию, ему нужно было отдать документы? Да если бы мы тогда только заикнулись о подобных документах, нас всех в момент стерли бы в порошок. А заодно и всех, кто числился в наших списках.

– Понимаю, – горько кивнул Алексеев, – поэтому вы столько ждали?

– Лякутис работал с ними. Мы хотели провести нормальную разработку и постепенно выяснить, кто, куда и зачем переправил документы? Но мы не думали, что его застрелят.

– Его убили из-за этих документов, – понял Алексеев, – вы это хотите сказать?

– Думаю, да, – строго сказал генерал. – Послушай пленку. Сам все поймешь. – Он включил магнитофон, стоявший на столе. Раздался громкий телефонный звонок, словно звонили в кабинете.

«Слушаю», – раздался громкий голос Лякутиса, и Алексеев невольно вздрогнул. Он только что видел покойного на кладбище. Но он быстро подавил все эмоции, когда услышал незнакомый голос.

«Вы подумали над нашим предложением? Мы готовы заплатить очень большие деньги». Трубку положили.

– Все? – спросил почему-то шепотом Алексеев.

– Нет, – покачал головой генерал, – слушай дальше.

«Слушаю вас», – раздался знакомый тенор, и Алексеев с ужасом узнал свой собственный голос.

«Николай, это я, извини, что так поздно», – сказал Лякутис. Чувствовалось, что он волнуется.

«Почему я тогда не обратил на это внимание?» – зло подумал Алексеев. «Что случилось?» – услышал он свой удивленный голос. «Какой идиот! – подумал он о себе. – У человека горе, а я задаю такие глупые вопросы».

«У меня к тебе очень важное дело, – глухо произнес Лякутис, – завтра нам нужно встретиться».

«Хорошо. А что произошло?» – голос Алексеева.

«Ничего страшного. Я звоню по личному вопросу. Просто мне нужно с тобой увидеться и переговорить».

«Почему я не спросил его ни о чем? Кажется, я торопился выпастись. Как все это глупо! – раздраженно думал Алексеев. – Еще Михаил Светлов говорил, что дружба – это понятие круглосуточное».

«Я все понял, – услышал он свой уставший голос. Чувствовалось, что человек уже во власти предстоящего сна. – Давай завтра в десять. Я буду ждать тебя на работе. Устраивает тебя такой вариант?»

«Да, конечно. Спасибо тебе, Николай». – Услышав эти слова, Алексеев нахмурился. Они звучали насмешкой над сегодняшними похоронами. И горьким уроком ему самому.

«Не за что, – сказал Алексеев напоследок. И потом, помолчав немного, добавил: – Наверное, и я немного виноват. Давно нам с тобой нужно было поговорить, определиться. Вечно ты один воюешь со своими проблемами. А я тоже хорош, совсем о тебе забыл. В общем, завтра я тебя жду».

Полковник закрыл глаза. Все было настолько ощутимо и реально, что на мгновение ему показалось, будто телефонный разговор происходит наяву и сейчас, открыв глаза, он увидит живого друга. Но он открыл глаза и увидел генерала Локтионова. А магнитофонная лента продолжала крутиться.

«Спокойной ночи», – сказал Лякутис. Он именно так и сказал «спокойной ночи», не став говорить «до свидания», словно предчувствовал свою собственную гибель.

«Будь здоров», – услышал Алексеев свою чудовищную фразу, и разговор прекратился.

Он провел ладонью по лицу, потом посмотрел на генерала.

– Я прошу у вас только одного, – тихо сказал Алексеев, – чтобы дальнейшую разработку всего дела вы поручили лично мне. Считайте это моим капризом, но это моя убедительная просьба.

– Поэтому я тебя и отозвал с похорон, – сказал генерал. – Возьми дело и начинай работу. Документы должны оказаться только у нас. Это единственный результат, который нас удовлетворит. Ничьей в этом деле быть не может. Я хочу, чтобы ты меня правильно понял.

Алексеев посмотрел на генерала.

– Ничьей не будет, – твердо пообещал он, – я найду убийцу.

Глава 8

У него не было с собой оружия. Да и трудно достать пистолет, когда в тебя целятся с трех метров. Дронго чуть поколебался.

– Садись в машину, – велел пожилой, – иначе я стреляю.

«Как глупо», – подумал Дронго, усаживаясь в автомобиль.

Пожилой рванул машину с места, заворачивая за угол. Молодой человек держал в руках пистолет, наставив его на Дронго. Уже по тому, как он держал оружие, чувствовалось, что он не профессионал.

«А с людьми у них не густо, – сделал вывод Дронго, – если сам водитель вынужден угрожать пистолетом, вести машину и командовать своим напарником».

– Кто ты такой? – начал допрос сидевший за рулем, продолжая гнать машину от места происшествия.

– Хороший человек, – усмехнулся Дронго. – А почему вы меня похитили?

Он видел стриженный седой затылок водителя.

– Ты мне ваньку не валяй, – строго сказал тот, – отвечай на вопрос, когда тебя спрашивают.

– Вежливые люди сначала представляются, – заметил Дронго.

– Он уже о вежливости заговорил, – хохотнул пожилой. – Я тебе покажу вежливость, когда приедем на место. Как твоя фамилия?

– Если я назову вам любую фамилию, вам будет легче?

– Нет, не любую, а свою, – строго сказал водитель, – только не вздумай представляться снова полковником Савельевым. Я, как только твою фамилию услышал, так сразу и подпрыгнул. Ты так же похож на Савельева, как сапог на балетную тапочку.

Дронго помрачнел. Он представлялся так только в квартире покойного полковника Лякутиса, где никого не было. Откуда этот неизвестный знает подробности только что состоявшегося разговора?

А неизвестный тем временем вдруг включил магнитофон, установленный у него в автомобиле.

«Как вас зовут?» – услышал Дронго голос жены Лякутиса.

«Полковник Савельев, – последовал его ответ и затем следующий вопрос: – Он ничего обо мне не рассказывал?»

– Понял, что происходит? – захохотал водитель. – Поэтому ты мне лапшу на уши не вешай. Давай все начистоту, иначе плохо тебе придется, парень. Ты влез в такое дерьмо, что и не расхлебать.

«Они установили микрофоны в квартире полковника, – понял Дронго, – но, судя по шуму и магнитофону, это профессионалы, не имеющие денег на качественное оборудование. То есть профессионалы, действующие на свой страх и риск. И, уж конечно, не профессионал этот молодой парень, сидящий рядом, в руках у которого дрожит пистолет».

– Кто вы такие? – спросил Дронго.

– Сначала скажи, кто ты такой? – спросил водитель. – Я с полковником Савельевым рядом на соседних койках спал, вместе работали. А ты заявляешься и выдаешь себя за полковника. Поэтому я хочу знать, кто ты такой. Ты либо провокатор, либо дурак. На второго ты не похож, сообразительный больно. А вот если на первого, то я тебя, сукина сына, сам удавлю. Чтобы не лез со своими подходами к жене несчастного.

– Трогательная забота о семье погибшего, – угрюмо заметил Дронго. – Зачем вы установили в квартире подслушивающие устройства?

– А я знал, что рано или поздно клюнет какая-нибудь рыбка. Вот и клюнула такая щука, как ты, – усмехнулся водитель и, обращаясь к своему молодому напарнику, добавил: – Сейчас подъезжаем, Валек, будь осторожен.

Дронго понял, что дальше ждать просто опасно. На одном из поворотов он сильно качнулся, и парень не успел опомниться, как уже хрипел на полу, прижатый ногой Дронго, а пистолет оказался в руках его пленника. Он приставил дуло к голове водителя.

– Не валяй дурака, – посоветовал Дронго словами водителя, – останови машину, пусть парень выйдет. В нашем деле он лишний. И без глупостей. Иначе я сразу стреляю. И, пожалуйста, давай будем на вы. Я с тобой, сукиным сыном, на брудершафт не пил, чтобы ты мне тыкал.

Водитель, уже понявший, что ситуация резко поменялась, угрюмо молчал. Он притормозил автомобиль, и Дронго, открыв дверцу машины, ногой вытолкнул парня. Тот упал на асфальт. Дронго, закрыв дверцу, потребовал:

– Поехали быстрее.

Когда они отъехали достаточно далеко, Дронго сказал:

– Людей у вас, видимо, маловато, если таких используешь. Не профессионал он, дядя. И никогда им не станет. Это у него на морде написано.

– Да сам знаю, – огрызнулся водитель, – откуда профессионалов найти. Все по банкам и фирмам разным разбежались. Деньги гребут, а я тут с тобой разбираться должен.

– Давайте поговорим без эмоций, – предложил Дронго. – Вы установили микрофоны на квартире покойного. Попытались сначала меня выследить, а потом и похитить. И утверждаете, что работали с полковником Савельевым. Очевидно, вы входили в его группу?

– Сначала скажи, кто ты такой? – остановив машину, потребовал водитель.

– Я же просил называть меня на вы, – укоризненно сказал Дронго.

Водитель обернулся к нему и зло прошептал:

– Откуда вы такие беретесь?

– Только положите руки на руль, – улыбнулся Дронго, – чтобы я их видел. А то мы со страха друг в друге дырок наделаем. Не нужно демонстрировать эмоции. «Ликвидаторы» их обычно сдерживают.

– А откуда вы знаете, что я «ликвидатор»? – снова огрызнулся водитель, но руки на руль все же положил. – Вы лучше сначала представьтесь.

Дронго чуть отвел в сторону пистолет и произнес:

– Я Дронго. Может, слышали такую кличку?

Водитель вздрогнул. Ощутимо вздрогнул. Потом все-таки медленно повернулся всем телом, по-прежнему держа руки на руле, и растерянно произнес:

– А я думал, байки у нас рассказывали про такого человека. Значит, ты на самом деле существуешь?

– Где это у вас? И всегда на вы, – снова напомнил Дронго.

– Сами знаете где, – оскорбился водитель.

– Вы еще не сказали, как вас зовут? – напомнил Дронго.

– Потапчук. Виктор Николаевич Потапчук.

– Вы были «ликвидатором» в группе Савельева?

– Почему вы так решили?

– Я пока только спрашиваю.

Потапчук помолчал. Потом кивнул.

– Раз вы и так все знаете.

– Это вы убили полковника Лякутиса?

– Нет. Но как только я узнал о его смерти, так сразу все понял. Игнатий, сукин сын, это он все придумал. Он наверняка и устранил полковника.

– Кто такой Игнатий?

– Да Савельева так называли. Он на иезуита был похож. Игнатий Лойола. Он даже гордился этим прозвищем. А настоящее его имя Игнат.

– Вы думаете, он приехал специально в Москву, чтобы убрать своего бывшего коллегу?

– Сам, конечно, не приехал, а «ружье» свое прислал. Вот оно и выстрелило.

– «Ружье» – это второй «ликвидатор» в вашей группе? – догадался Дронго.

– Да, – кивнул Потапчук, – это Семенов. Он у нас лучшим специалистом считался. Вот тогда они вдвоем с Савельевым и уехали в Германию. А я, значит, к семье решил податься, в Москву. Им легче было, а я уйти не мог, у меня жена тогда сильно болела.

– Вы вывозили документы из Вильнюса?

– Все вчетвером. Четвертый – подполковник Лозинский.

– Бойня на границе – ваших рук дело?

Потапчук молчал. Потом неохотно сказал:

– Чего сейчас старое ворошить. Ну, было дело, мы с Семеновым поработали.

– А зачем вы лично установили микрофоны в квартире убитого? Что вы там искали?

– Я был уверен, что его убили за документы. Уж больно много покойный знал. Вот поэтому, когда его поминали, я пришел с остальными, все-таки коллеги, и установил микрофоны под столом. Сделать это оказалось легко, никто на меня не обращал внимания. А потом я столько времени слушал, вдруг кто-нибудь клюнет. Все разговоры слушал. И племянша своего держал на этом деле, пообещав большие деньги.

– И до меня никого не было?

– Приходил один. Алексеев, кажется. Дружок его бывший. Все про Савельева допытывал, да так осторожно, ловко, что жена ничего не поняла, а я сразу догадался, что документы и они ищут. Значит, документы еще не вернулись в Москву.

– Почему тогда они не ищут вас?

– Ищут, – усмехнулся Потапчук, – еще как ищут. Вы ведь сами лучше меня все знаете. Нас, «ликвидаторов», в живых оставлять не любят. Ну, а я после августа девяносто первого сменил фамилию и в другое место переселился. Меня тогда вычистили из органов, даже не спросив, куда делись документы по Литве. Тогда это никого не интересовало, все думали, что развал навсегда. А теперь как меня найдешь, выкуси. Теперь я сам кого хочешь найду. А как только их разыщу, так сразу и убью, чтобы документы себе вернуть. Они на них бабки делают, а я тут с нищеты помираю. Мы тогда двух покойников за Савельева с Семеновым выдали, думали, никто не узнает. А они теперь объявились. Видимо, нашли и документики.

Последние фразы Дронго особенно заинтересовали. Он убрал пистолет.

– Не буду я в вас стрелять, Потапчук, – сказал он, – хотя уже давно заметил, как вы опустили руку. Небось сейчас сквозь сиденье стрелять начнете. Не стоит, «ликвидатор». У меня к вам другое предложение, более конкретное.

– Какое? – прохрипел Потапчук.

– Давайте вместе искать документы и исчезнувших ваших коллег. Я так понимаю, вам они нужны для того, чтобы разбогатеть, а мне они нужны совсем по другому поводу. Правда, иметь дело с таким мерзавцем, как вы, не очень приятно. Не люблю я «ликвидаторов». От вас собаки шарахаются, чувствуя запах крови. Но, похоже, вы правы, нюх у вас особенный. Зато голова всегда ваше слабое место. Если мы объединимся, то, думаю, сумеем найти и Савельева, и его исчезнувшие документы. Мне предлагают за них триста тысяч. По-моему, неплохая сумма с учетом вашего сегодняшнего положения.

– Деньги пополам, – строго сказал Потапчук, – все деньги пополам. Хотя продать их можно и подороже.

– Это мы решим, когда найдем документы, – строго заметил Дронго. – Поднимите свои руки, «ликвидатор», и возьмите обратно пистолет своего племянника. Кстати, допотопный «ТТ». Где вы его взяли? И не вздумайте стрелять. Без меня вы все равно никого не найдете. А

застрелив меня, вообще ничего не получите. Не говоря уже о том, что такой старый пистолет может просто дать осечку. Где вы его брали? На старом базаре?

Потапчук поднял руку. Дронго, не колеблясь, отдал ему пистолет молодого человека. Потапчук приставил оружие к его голове.

– Не боишься? – с интересом спросил он. – А если выстрелю?

– Я же говорил, что голова ваше слабое место, – укоризненно прошептал Дронго. – Уберите пистолет и перестаньте паясничать. Нам нужно решить, что делать дальше.

– Вы действительно Дронго? – спросил Потапчук, убирая пистолет.

– А какой я, по-вашему, должен быть? С трубкой в зубах, чтобы вы мне поверили? Или мне нужно было застрелить вашего племянника, чтобы вы мне окончательно поверили? Тоже мне, Робин Гуд нашелся. «Они жируют, а я в нищете живу», – повторил он слова «ликвидатора».

– При чем тут это?

– При том, – сурово сказал Дронго. – У людей горе, а вы воровски к ним в дом проникли и свои цапки установили. Снимите немедленно, иначе я никуда с вами не поеду. Прямо сегодня. А уже потом мы решим, что дальше делать.

– Нужно за Лозинским ехать, – предложил Потапчук, – он сейчас в Киеве. Его необходимо допросить.

– Для начала согласен. Но сперва уберете микрофоны. Учтите, что я проверю. Можете врать все, что угодно, но свои аппараты уберите оттуда. Хотя я и не уверен, что Лозинский в курсе того, где именно обитают Савельев и его напарник. Но как версия подойдет. Значит, договорились, сегодня вы снимаете микрофоны, а завтра мы вылетаем в Киев. Надеюсь, с паспортом у вас нет проблем?

– Нет, – улыбнулся Потапчук, убирая и второй пистолет.

– А с женой как? – вспомнил Дронго. – Одну ее оставить можете?

– Нету больше жены, – угрюмо ответил Потапчук, у него опять испортилось настроение, – я теперь один остался.

Дронго открыл дверцу автомобиля. Потом, вспомнив, спросил:

– А молодой парень все-таки ваш родственник? Никого лучше не нашли? Или никому не доверяете?

– Об этом вы тоже догадались или узнали от меня? – угрюмо осведомился Потапчук.

– Конечно, догадался. Вы ведь типичный куркуль. Не стали бы делиться деньгами. Да и опасно такое дело чужим людям поручать. Значит, договорились, поедем вместе в Киев. Завтра жду вас на Калининском, у книжного магазина. Его хотя бы вы найдете?

– А почему там? – не понял Потапчук.

– Я не успел зайти в книжный магазин. Хочу купить интересную книгу, чтобы не слышать в самолете ваши глупости, – усмехнулся Дронго и, сильно хлопнув дверцей автомобиля, зашагал к станции метро. Потапчук поднял пистолет, опустил его, подумав немного, снова поднял и снова опустил. Дронго чувствовал угрозу, но не оборачивался. С самого первого момента нужно дать понять негодяю, что он его не боится. Именно поэтому он шел так спокойно, удаляясь от автомобиля и подставив выстрелам свою широкую спину.

Вечером, вернувшись домой, он позвонил Владимиру Владимировичу.

– Ты сам не знаешь, что натворил, – сразу сказал старик, – это, оказывается, целая проблема. Но я начну с самого начала...

Глава 9

Вечером, уже перед самым уходом с работы, его позвал к себе Локтионов. Алексеев ждал этого разговора уже три месяца. Три месяца, за которые его поиск исчезнувших сотрудников КГБ не продвинулся ни на йоту. Словно все четверо внезапно растворились в той мутной и болезненной атмосфере распада, столь характерной для осени девяносто первого года.

Алексеев был твердо убежден, что офицеры КГБ не могли исчезнуть просто так. И поэтому снова и снова проверял все документы, фиксируя появлявшиеся детали. Но выйти на пропавших сотрудников группы Савельева пока не мог. В один из вечеров его и вызвал к себе Локтионов.

– Что нового? – устало спросил генерал, когда Алексеев уселся напротив него. – По делу Лякутиса никаких изменений?

– Нет, – честно ответил Алексеев, – милиция проделала огромную работу, опрошены сотни свидетелей. По их мнению, банковскую версию убийства можно отбросить.

– Как мы и предполагали, – кивнул генерал, – а что у нас?

– Еще хуже. Такое ощущение, что все члены группы растворились.

– Это лирика, – отмахнулся генерал, – давай конкретные факты.

– Во-первых, группа была сформирована по личному указанию бывшего председателя КГБ генерала Крючкова сразу после литовских событий в январе девяносто первого года. Тогда отправили на пенсию Бобкова. По личному настоянию Михаила Горбачева, считавшего его виноватым в подобном противостоянии. Я думаю, руководство КГБ не очень охотно пошло на этот шаг. Бобков считался одним из самых опытных, если не самым опытным сотрудником КГБ при Крюкове. И вот блестящего профессионала увольняют, провожают на пенсию...

– Зачем ты мне это рассказываешь? – спросил Локтионов. – Я и без тебя все хорошо помню.

– Очевидно, в ответ тогдашнее руководство КГБ принимается за разработку сверхсекретной операции с посылкой группы Савельева, – продолжал Алексеев, словно не обратив внимания на реплику генерала. – Поэтому в группу Савельева отбирают двух «ликвидаторов» и двух аналитиков. Очевидно, уже тогда просчитывались варианты возможного отделения Литвы и заранее готовились материалы по «агентуре центрального подчинения», с тем чтобы замкнуть наиболее ценных агентов непосредственно на Москву.

– Можно подумать, что ты не работал в КГБ и не знаешь, как это обычно делается, – покачал головой Локтионов. – Не нужно рассказывать мне прописные истины. Переходи сразу к делу.

– Группа выходила непосредственно на председателя КГБ Крючкова и одного из офицеров. Его фамилия нигде не обозначена. Но он докладывал результаты работы группы Савельева непосредственно председателю КГБ. Очевидно, «ликвидаторы» были посланы для того, чтобы «подчистить» возможные промахи аналитиков и убрать неугодных лиц, отказывающихся от сотрудничества с Москвой. Однако в материалах дела нет никаких данных о том, удалось группе или не удалось выполнить поставленную задачу. Ни один из офицеров, сотрудников группы Савельева, не работает больше в органах контрразведки. Все четверо уволены осенью девяносто первого. Вернее, двое уволены, а двоих списали как убитых.

– Зачем ты повторяешь мне то, что я сам тебе сказал? – покачал головой Локтионов. – Ты три месяца работал, чтобы установить известное? И это все, что ты узнал?

– Нет, не все, – возразил Алексеев. – Во-первых, мне удалось выяснить, кто именно докладывал в те августовские дни непосредственно Крюкову о событиях в Литве. Вот список офицеров. Три человека. Крючков принимал их практически каждый день. Можно вычислить, кто именно из них был связан с группой Савельева.

– Откуда получил? – протянул руку к списку заинтересовавшийся Локтионов.

– Крючкова арестовали сразу после провала ГКЧП, – пояснил Алексеев, – тогда к нему приехали сотрудники прокуратуры, которые изъяли документы из его личного сейфа. Пока шло следствие по делу ГКЧП, они находились в прокуратуре. Но затем, после амнистии, их вернули в ФСБ. Я попросил разрешения с ними ознакомиться.

– Очень толково, – кивнул генерал, заглядывая в список. Прочел и нахмурился. – Ты с ума сошел?

– Это фамилии из записной книжки Крючкова, – упрямо кивнул Алексеев, – именно этих людей он принимал в последний месяц почти каждый день.

На листке были записаны три фамилии – полковник Мушкарев, подполковник Локтионов, подполковник Сарычев. Вторым из указанных офицеров числился сам Локтионов, успевший за эти шесть лет, отделявших его от августа девяносто первого, дослужиться до генерал-майора. Он растерянно заглянул еще раз в список и поднял глаза на Алексеева.

– И это все, что нашли? Негусто. Я бы мог сам сказать, какие вопросы у него обсуждались. Его интересовали события в Восточной Европе, особенно в Болгарии и Румынии. Я тогда курировал эти направления и докладывал действительно почти ежедневно. Тебя удовлетворяет ответ или ты собираешься меня допрашивать?

– Просто я считаю, что нужна ваша санкция на допрос Крючкова и остальных двух офицеров, которые уже не работают в нашем ведомстве.

– У нас много кто не работает. Это не значит, что всех нужно подозревать. Что еще обнаружили?

– Судя по оставшимся у нас документам, полковник Лякутис не имел к работе группы Савельева никакого отношения. Просто он помогал им, выступая в роли координатора. Поэтому убить его именно за это они не могли.

– Тогда кто его убил и зачем?

– Этого мы пока не знаем.

– Зато я знаю, – строго подвел итог генерал. – Тебе доверили разработку важного дела, а ты в кошки-мышки играешь. Пришел бы сразу ко мне с этой бумажкой, я бы тебе все объяснил. И никакого Крючкова никто тебе допрашивать не разрешит. Не те сейчас времена, чтобы старика беспокоить.

– Он может помочь расследованию, – упрямо сказал Алексеев.

– Как же. Он тебе поможет, – издевательским тоном заметил генерал, – плохо ты его знаешь. Это же человек-камень. Из него лишнего слова не вытянешь. Когда его посадили в тюрьму, сколько газет и журналов над ним издевалось. Писали, что он придумывал разные заговоры, необоснованно пугал депутатов Верховного Совета, давал неверную информацию Горбачеву – в общем, выставили полным профаном и кретинком. А он сидел в тюрьме и, стиснув зубы, молчал. У него ведь имелась абсолютно точная информация, что, где и когда будет происходить.

Сейчас уже известно, что у нас в ЦРУ и ФБР действовали свои агенты, один из них Олдридж Эймс, руководитель специальной группы ЦРУ именно по Советскому Союзу. Достаточно было Крючкову только намекнуть на источник своей информации, как ценного агента сразу разоблачили бы. Поэтому Крючков сидел в тюрьме и молчал. Ему в лицо плевали, он молчал. Над ним издевались, он опять молчал. Может, это и есть высшее служение своему отечеству, когда тебе плюют в лицо, а ты все терпеливоносишь. И даже когда Эймса арестовали и приговорили к пожизненному заключению, он все равно молчит. Камень-человек, он никаких комментариев не дает, ибо знает, что может повредить другим людям. – Генерал перевел дыхание, потом продолжал: – И ведь ни одна газета до сих пор не извинилась перед Крючковым, даже после того, как выяснилось, что Эймс работал на КГБ и, следовательно, все

сообщения Крючкова были правдой. Я после ареста Эймса поехал к генералу, спросил, почему он молчит. Знаешь, что он мне рассказал?

Алексеев покачал головой.

– Перед войной в Испании сбежал высокопоставленный сотрудник НКВД генерал Орлов. Это ты должен помнить еще по Высшей школе КГБ. Об Орлове и его операциях говорят до сих пор. Орлов написал обличающее письмо Сталину и Берии, отказался вернуться и был заочно приговорен к смертной казни. Он даже написал за рубежом книгу. Но Крючков напомнил мне не эти всем знакомые факты. Теперь я тебе расскажу то, чего не знает никто. Сбежавшему на Запад Орлову, лишенному всякой возможности вернуться на родину, были точно известны имена знаменитой пятерки Кима Филби. Имена всех агентов. И он не выдал ни одного. Более того, он знал Абеля в лицо. Это сейчас нас просветили, что никакого Абеля-разведчика не существовало. Был Вильям Фишер, советский разведчик, назвавшийся именем своего друга Рудольфа Абеля. Но Орлов не выдал и его. Понимаешь, он никого не выдал! Ни одного агента. Он рассказал на Западе только о тех, кто был известен и без Орлова.

– Понимаю, – задумчиво ответил Алексеев, – я вас понимаю.

– Ничего ты не понимаешь, – разозлился генерал. – Присягу дают один раз и не изменяют ей даже во имя самых лучших побуждений. Бывший глава разведки ГДР Маркус Вольф лично знает имена сотен и тысяч своих агентов в ФРГ, а также множество советских агентов. Он до сих пор не выдал ни одного из них. Ни одного! Его пытаются судить уже в который раз, снова и снова находя любые абсурдные обвинения. Достаточно согласиться на предательство, и он станет богатым, обеспеченным до конца своей жизни человеком. И его, конечно, оставят в покое. Но он не раскрыл еще ни одного имени. Поэтому ты лучше к Крючкову не цепляйся. Дохлый номер. Он тебе все равно не скажет ни слова. Ни про Савельева, ни про его группу.

– Тогда придется искать двух других офицеров, – подвел итог Алексеев.

– Это, безусловно, надежнее, – кивнул, соглашаясь, генерал. – Но учти, Николай, у нас с тобой очень мало времени. Практически мы идем след в след. За архивом, который, по идее, должен находиться у Савельева, уже охотятся.

– Кто? – удивился Алексеев. – Откуда они знают?

– Хороший вопрос, – заметил генерал. – Очевидно, кто-то решил проявить активность еще до нашего подключения к этой операции. Этот неизвестный, наверное, выдал большую сумму денег и поручил розыск документов одному из самых лучших аналитиков в мире.

Алексеев засмеялся.

– Это наше типичное преувеличение. Лучшие аналитики встречаются только в книгах.

– И в жизни, – сухо оборвал его генерал, – кто-то уже успел нанять Дронго.

– Как Дронго?.. – удивленно поднялся с места Алексеев. – При чем тут он?

– Вот это я и хочу выяснить, – приложил руку к переносице генерал, – иначе мы можем опоздать, и все документы достанутся совсем другим людям. Сегодня днем звонил связной Дронго, пытавшийся осторожно уточнить, что нам известно о группе Савельева. Звонок мы, конечно, засекли, но времени у тебя очень мало. Нужно быть готовым к любой провокации, к любой неожиданности. А что касается этого Дронго... – Локтионов помолчал, потом вдруг добавил: – В общем, Николай, я тебе не завидую.

Глава 10

– Что произошло? – спросил Дронго. – Почему у вас такой странный голос?

– Я поставил дешифратор, хотя не уверен, что он поможет, – признался Владимир Владимирович. – В общем, по твоему делу в ФСБ сейчас работает целая группа. Ее возглавил сам генерал Локтионов. По-моему, они не очень довольны моим звонком. Сделай вывод и больше мне не звони.

– Понял, – мрачно сказал Дронго.

– Ничего конкретного по группе Савельева уточнить не удалось. Все сведения строго засекречены. А все мои попытки хоть что-то узнать наткнулись на вежливый отказ. Тухлое дело. Никто ничего не хочет вспоминать.

– Состав группы не так важен. Мне нужны данные по Германии, – напомнил Дронго.

– Ничем не могу помочь, – виновато ответил Владимир Владимирович. – Ты ведь понимаешь, это зависит не только от меня. В общем, извини, но на этот раз я, кажется, бессилен что-либо для тебя сделать. А вообще Савельев и Семенов давно уже покойники, так, во всяком случае, записано в их личных делах.

– Уже то, что вы сообщили, тоже довольно существенно. Спасибо вам. – Дронго положил трубку, взглянул на часы. Теперь нужно быстро уходить. Если дешифратор не сработает, оперативная группа ФСБ прибудет сюда минут через десять-пятнадцать, а объясняться с ними, доказывать, что ты не верблюд, достаточно сложное дело. Трудно мотивировать, почему он интересуется сверхсекретной группой полковника Савельева, работавшей на литовском направлении летом девяносто первого. Похоже, он поступил правильно, решив сотрудничать с этим «ликвидатором». Потапчук единственный, кто может привести его к Савельеву. Если последний еще жив.

На сборы ушло не больше пяти минут. Он всегда был готов покинуть любое помещение, помня о том, что зубную щетку или лишнюю рубашку можно купить, а вторую жизнь одолжить уже невозможно. Через пять минут он уже отходил от своего дома, втайне надеясь, что сотрудники ФСБ не станут ломать двери его квартиры, убедившись, что там никого нет. Обычно в таких случаях они выставляют засаду и ждут, когда хозяин дома придет к себе, чтобы его задержать.

Эту ночь он провел в гостинице. На следующий день утром он уже стоял у книжного магазина. Подъехал автомобиль, в котором находились Потапчук и его племянник. На этот раз машину вел племянник, а сам Потапчук, переодевшись в костюм и теплый плащ, сидел на заднем сиденье. Дронго занял место рядом с ним.

– Вы не указали мне вчера время встречи, – ухмыльнулся Потапчук, – решили проверить, помню ли я наши правила?

– Нет, – искренне ответил Дронго, – я был и так убежден в этом. Вы же профессиональный сотрудник КГБ. За столько лет эти правила автоматически становятся режимом поведения. Если агент при встрече назначает следующее свидание на завтрашний день и не оговаривает время, значит, оно должно произойти в тот самый час, когда состоялось первое свидание. Так, по-моему, учат всех разведчиков в мире.

Племянник удивленно оглянулся.

– Не оглядывайтесь, молодой человек, – посоветовал Дронго, – это мы с вашим дядей играем в «казаков-разбойников». Правда, на этот раз не ясно, кто мы сами: казаки или разбойники? Вы убрали микрофоны из квартиры вдовы?

– Конечно, – кивнул Потапчук, – рано утром сам побывал в доме под видом водопроводчика. У них действительно краны барахлят. Тогда и убрал.

– Хорошо, – кивнул Дронго, – но когда вернемся, я еще проверю.

Когда они уже проехали центр города, Потапчук заметил:

– Лозинский раньше жил в Харькове, но потом сменил адрес и уехал в Киев. Я его адрес знаю, он оставлял его мне на всякий случай. Видимо, тоже догадался, куда исчез Савельев с документами. Наверное, сейчас он в Европе большие деньги за них получает.

– Вас что-нибудь в жизни, кроме денег, волнует? – строго спросил Дронго.

– А вас? – вскинул на него серые глаза Потапчук. – Раньше у меня была работа, служба, моя родина, жена, семья. Сейчас у меня ничего не осталось. С работы меня выгнали, моей прежней организации больше не существует, над моей присягой смеются, мою работу проклинаят. А от всей родины остались Ростов-папа и Санкт-Петербург вместо Ленинграда. – Он помолчал и вдруг с неожиданной злостью добавил: – Меня после смерти жены вообще, кроме денег, ничего в этом мире не интересует. Пропади все к чертовой матери! Если газетчики пронохают, чем именно я занимался в КГБ, они такой репортаж выдадут – весь мир читать будет и на меня пальцами показывать. Сукиным сыном меня выставят. Поэтому я и хочу много денег, чтобы уехать из этой обосранной страны. Нечего мне здесь больше делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.